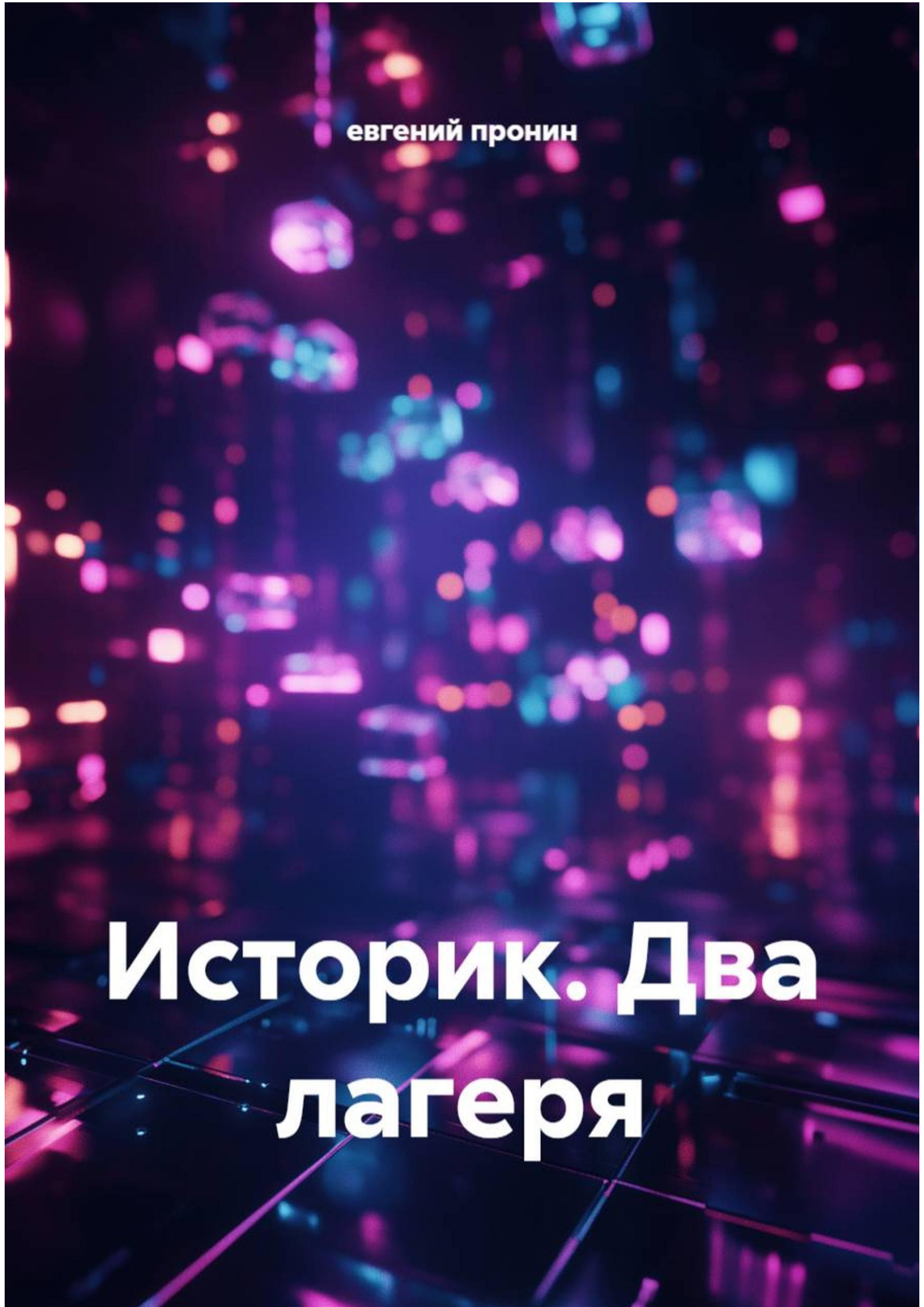

евгений пронин

Историк. Два лагеря

Историк. Два лагеря

евгений пронин

Историк. Два лагеря

«Автор»

2026

пронин е.

Историк. Два лагеря / е. пронин — «Автор», 2026 — (Историк. Два лагеря)

Продолжение цикла Историк. Книга четвертая "Два лагеря". Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить кровопролития и гражданской войны. Получится у него или нет...? Он уже стал одним из руководителей молодой республики советов. Активность Краева оценивается лидерами страны по разному. У него появляются враги, но и покровители. Краев практически стал вторым человеком республики. Спас Ленина. Теперь настало время создания сильной империи.

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35

евгений пронин

Историк. Два лагеря

Глава 1

Историк. Два лагеря

Глава первая. Проект буферной зоны

Москва. Кремль. Кабинет Председателя Совмина. 10 сентября 1918 года.

В кабинете Ленина пахло осенней сыростью, и тем особым сортом напряжения, который возникает только тогда, когда история делает крутой поворот. За окном лил дождь, размывая очертания Спасской башни, превращая её в размытый серый силуэт.

Владимир Ильич сидел за столом, быстро просматривая сводки. Его глаза горели лихорадочным огнем шахматиста, видящего мат в три хода. Когда я вошел, он лишь молча указал на стул рядом с собой.

Кроме нас двоих здесь были еще двое. Феликс Дзержинский стоял у стены, неподвижный как изваяние, сложив руки на груди. Его присутствие было гарантией того, что любое наше слово останется между стенами этого кабинета. Напротив, него, закинув ногу на ногу, сидел Вячеслав Менжинский. Человек-фантом, тень революции. Рядом с ним лежала тонкая кожаная папка без надписей.

— Садитесь, Александр Владимирович, — Ленин отложил бумаги. — Докладывайте. Что говорит ваша аналитика?

Я встал, подошел к карте Европы, висевшей на стене. Провел пальцем по линии фронта во Франции.

— Германская армия находится в агонии, Владимир Ильич, — мой голос звучал ровно, почти академично. — Летнее наступление Людендорфа высосало из Рейхсвера последние соки. У них нет резервов. Американский экспедиционный корпус прибывает тысячами ежедневно. Кайзеровская машина сломана. Вопрос не если они попросят мира, а вопрос, когда.

Ленин резко обернулся от карты:

— Сроки? Дайте мне цифры!

— Максимум до начала зимы, — подал голос Менжинский своим тихим, шелестящим голосом. — Их экономика рухнула. В Берлине голодные бунты. Но самое важное происходит сейчас в ставке Гинденбурга. Немецкий генералитет уже ищет виноватых. Они готовят почву для легенды об «ударе ножом в спину». Им нужен будет враг внутри Германии.

— И этим врагом станем мы, если будем сидеть смирно, — закончил я за него. Я взял указку и постучал по границе 1914 года. — Вильгельм выдохся. Антанта скоро потребует капитуляции. А это значит, Брестский мир превращается в клочок бумаги. Франция захочет создать санитарный кордон против большевизма. Пилсудский мечтает о Великой Польше от моря до моря.

Я сделал паузу, переводя взгляд на Чичерина, который всё это время молчал, стоя у окна.

— Наш единственный шанс выжить, перехватить инициативу. Мы должны ударить первыми. Не танками, а дипломатией.

Георгий Васильевич медленно повернулся от окна. На его лице аристократа играла странная усмешка.

— Вы предлагаете нам стать жандармами Европы, товарищ Краев? — спросил он тихо.

— Я предлагаю спасти Республику чужими руками, — ответил я. — Капитуляция Германии вызовет революционную волну. Спартакисты в Берлине, советы в Вене, восстания в Будапеште. Буржуазия Европы напугана до смерти. Они будут готовы признать кого угодно,

лишь бы остановить хаос. Мы создадим эти республики сами. Эстляндскую Трудовую Коммуну. Литовско-Белорусскую Советскую Республику. Украинскую ССР. Формально, суверенные государства рабочих. Фактически, наши протектораты. Буферная зона.

Я перевел взгляд на Ленина:

— Пусть Запад признает их независимость. Пусть французы аплодируют самоопределению наций. По факту же границы этих республик будут проходить по линии Нарвы, Варшавы и Львова. Если немцы уйдут оттуда послезавтра, там должны стоять наши гарнизоны сегодня вечером.

Ленин вскочил со своего места. Он прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Остановился перед картой.

— Гениально, — прошептал он. — Абсолютно цинично и гениально. Мы используем пацифизм Вильсона против него самого. Мы дадим Европе демократию... нашу демократию.

— Нам понадобится легальное прикрытие, — вступил Менжинский. — Официальное признание. Иначе интервенты просто высадятся в Одессе под предлогом защиты законного правительства.

— Для этого есть Бухарин, — сказал я. — Николай Иванович должен написать манифесты о Мировой Революции. Пусть западные газеты кричат о «красной угрозе» панически. Чем больше страха в Париже, тем сговорчивее будут дипломаты в Лондоне. Страх заставляет капиталистов подписывать чеки быстрее, чем идеалы свободы.

Ленин остановился. Посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Значит, вы делите Европу на сферы влияния раньше, чем мы взяли Харьков? — произнес он тихо. — Вы, Краев, мыслите категориями Империи, завернутыми в красную обертку.

— Я мыслю категориями выживания, Владимир Ильич, — ответил я. — Либо мы сделаем Россию центром социалистического блока, либо Антанта сделает из нас колонию. Третьего не дано.

Ленин подошел ко мне вплотную. Положил свои сухие ладони мне на плечи.

— Хорошо, — произнес он очень тихо, так, чтобы слышал только я. — Создавайте ваши марионеточные республики. Используйте немцев, пока они живы. Готовьте армию к броску на Варшаву. Но помните...

Он приблизил свое лицо к моему, заглядывая прямо в зрачки.

— Как только кайзер подпишет перемирие, Черчилль вспомнит про Архангельск. Интервенция начнется всерьез. У вас есть полгода, Александр. Полгода, чтобы построить стену вокруг Республики выше Великой Китайской стены. Время пошло.

Менжинский подошел к столу.

— Поляки не сдадут Варшаву без боя, — прокрипел он. — Пилсудский умен. Он знает, что мы идем.

— Поэтому Вы едете в Берлин завтра утром, — сказал я ему. — Задача, сделать так, чтобы немецкая революция началась строго по нашему графику. Нам нужно связать руки германскому Генштабу внутренними проблемами, пока мы будем переваривать Украину.

Из тени дальнего угла раздался сухой, скрипучий кашель. Лев Троцкий стоял там, прислонившись к шкафу. Он выглядел как падший ангел: всклокоченные волосы, горящий взгляд фанатика, руки спрятаны в карманы брюк.

— Строительство казарм вместо пожара, — прокрипел он своим металлическим голосом. Голос Троцкого всегда действовал на нервы, словно звук стекла по стеклу. — Вы хотите законсервировать Революцию в границах одной страны, товарищ Краев. Вы строите тюрьму похуже романовской.

— Я строю фундамент, Лев Давидович, — спокойно парировал я, выдерживая его тяжелый взгляд. — На чем ты предлагаешь нести знамя Коминтерна в Париж? На штыках голо-

дающих дезертиров? Твоя идея штурма Варшавы сегодня закончится тем, что Польша станет братской могилой наших лучших полков. Нам нужна передышка.

— Передышка, это смерть идеи! — вспыхнул Троцкий. — Пролетариат ждет примера! Если мы возьмем Варшаву завтра, немец поднимется послезавтра! История стучится в дверь прикладом винтовки!

— История подождет, пока солдаты поедят, — жестко оборвал я его. — Посмотри на карту. Колчак заперт в тайге без патронов. Деникин бежит, потому что крестьянство его не поддержало. Благодаря Бонч-Бруевичу, наша Армия, самая сильная сухопутная сила в Европе. Но она жрет уголь тоннами. Дай мне полгода тишины на Западе, и я дам тебе даже танки для похода на Вену весной.

Троцкий усмехнулся злой, змеиной улыбкой.

— Ты мыслишь категориями царских интендантов, Александр. Склады, шпалы, баланс...

— Я мыслю категориями победы, которая длится дольше одного дня, — ответил я. — Когда капитулирует Германия, начнется драка между союзниками за добычу. Черчилль захочет забрать Баку, японцы, Владивосток. Мы должны встретить их не лозунгами, а линией Мажино нового типа.

Ленин поднял руку, прекращая спор. Он прошелся по кабинету, остановившись перед картой мира.

— Товарищ Краев прав в одном, — произнес он тихо, глядя на очертания континентов. — Время работает на нас. Капиталисты перегрызутся сами. Он повернулся ко мне:

— Готовьте операцию «Буфер», Александр. Используйте немцев. Пусть их спартакисты отвлекают Гинденбурга. Наши интерполки будут двигаться строго вдоль железных дорог. Никакого партизанщины. Только железная дисциплина. Но помните оба, — Ленин перевел взгляд с меня на Троцкого. — Как только смолкнут пушки в Вердене, Антанта посмотрит сюда. У вас есть только осень. Постройте стену. Из стали, бетона и золота.

Троцкий ушел, хлопнув дверью так, что зазвенели стекла, Чичерин испуганно перекрестился.

— Он нас погубит своей риторикой, — прошептал министр иностранных дел. — Поляки объявят священную войну.

— Пусть объявляют, — сказал я.

Из темноты соседнего кресла, поднялся Вячеслав Рудольфович Менжинский.

— С мая месяца, — начал он своим тихим, шелестящим голосом, который всегда заставлял собеседников прислушиваться, — моя агентура работала внутри лагерей. Операция «Интернационал» завершена. Мы создали сеть, Александр Владимирович.

— Он перевел взгляд на меня. — Это уже не кружки любителей Маркса. Это структура. Немцы: Около сорока тысяч кадровых солдат и унтеров Рейхсвера. Дисциплина прусская. Ждут сигнала в Берлине. Идеальный материал для штурмовиков Коммуны.

Менжинский сделал паузу, поправляя пенсне.

— Троцкий дал им лозунги, а Вы дали им структуру. У нас есть готовые полки. Полностью укомплектованные штабы из бывших офицеров Центральных держав. Они ненавидят своих бывших хозяев больше, чем любят коммунизм. Нам нужно лишь нажать на спусковой крючок, когда Берлин падет.

— Вопросы повестки исчерпаны? — Ленин обвел всех тяжелым взглядом. Свердлов кивнул, собирая бумаги. Дзержинский сидел неподвижно, похожий на изваяние из серого гранита.

— Все свободны, — произнес Владимир Ильич. — Кроме товарища Краева.

Когда двери закрылись за последним членом Политбюро, шум великой государственной машины словно отрезало ножом. В кабинете повисла густая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем часов.

Ленин долго молчал, постукивая пальцами по краю стола. Он смотрел на карту Европы так, словно пытался прожечь в ней дыры взглядом. Моя идея, использовать немецкую военщину как таран для революции под прикрытием «независимых республик», была невероятно рискованной, но дьявольски эффективной.

— Значит, буферная зона... — протянул Владимир Ильич, наконец нарушив тишину. — Социалистические протектораты от Балтики до Черного моря. Эстония, Литва, Украинская ССР...

— Формально суверенные государства, признанные Лигой Наций или тем, что от неё останется, — уточнил я. — С собственными наркоматами и своими флагами. Фактически, наша таможенная и военная зона. Мы даем Антанте юридическое право не вводить войска, а сами контролируем границы штыками интербригад.

Ленин обернулся. Его лицо было бледным, но глаза блестели лихорадочным блеском азартного игрока.

— Товарищ Краев, — тихо сказал он. Голос вождя лишился привычной картавости трибуны, став глухим и властным. — Вы смотрите на мироздание и видите там только транспортные узлы, дефицит угля и балансы банковских счетов. Вы используете идеологию как смазку для шестеренок государственной машины.

— Я строю государство, которое выживет, Владимир Ильич, — ответил я. — Мировая революция подождет. Сначала нам нужны работающие заводы и накормленные армии.

Ленин подошел ко мне вплотную. Несмотря на разницу в росте, в этот момент казалось, что именно он нависает над всей страной.

— Подготовьте план, — приказал он жестко. Тонем, не терпящим возражений. — Полный проект создания этих... протекторатов. Конституция каждой республики: фиктивная демократия, реальный контроль Москвы через Реввоенсовет и ваши органы НКГК. Список кандидатур в их правительства. Источники финансирования без использования нашего золотого фонда напрямую.

Он промокнул чернилами пресс-папье и протянул бумагу мне.

— Это ваш карт-бланш. Действуйте от имени Совмина. Буферная зона должна быть создана юридически до того, как Германия подпишет перемирие. У вас месяц, Александр Владимирович.

Я взял теплый еще лист бумаги. Мандат на создание новой реальности.

— Будет исполнено, — произнес я.

Я вышел в гулкий коридор Кремля. За моей спиной остался кабинет, где прямо сейчас рождалась структура нового мира. Мира, разделенного пополам. И мы собирались построить свою половину железной рукой.

Глава 2

Глава вторая. Новый миропорядок

Москва. Кремль. Кабинет Председателя Совнаркома. 15 сентября 1918 года.

— Докладывайте без предисловий, Александр Владимирович, — Ленин тяжело опустился в кресло.

— Операция «Буфер» переходит в стадию реализации, Владимир Ильич, — я положил перед собой папку НКГК, ту самую, что должна была стать библией нового миропорядка. — Связи Менжинского через бывших военнопленных работают безупречно. В Будапеште наши люди уже формируют ячейки солдатских советов. В Берлине спартакисты получили золото по каналам Коминтерна для захвата арсеналов. Маннергейм подписал меморандум о нейтралитете Финляндии в обмен на лесные концессии. Болгарский Земледельческий союз готов взять власть в Софии под гарантии наших поставок зерна.

Ленин слушал, прищурившись.

— Идеологически это выглядит... сомнительно, товарищ Краёв, — проскрипел он. — Создавать социалистические республики ради того, чтобы они торговали с нами? Где здесь диктатура пролетариата?

— Диктатура будет внутри страны, Владимир Ильич, — ответил я спокойно. — А вовне, прагматика.

Я придвинул к нему толстую папку, обтянутую черной кожей. На обложке золотом было вытеснено: *«Перспективный план развития РСФСР и зоны стратегических интересов (1918–1930)»*.

— Посмотрите сюда, — сказал я. — Это то, чего нет ни у кого в мире. Ни у французов с их Версалем, ни у американцев с их Уолл-стрит. У них есть деньги, но у них рушатся империи. У нас пока мало денег, но у нас есть система. Единственная работающая модель управления хаосом.

Я открыл первую страницу плана.

— Смотрите. Германия скоро капитулирует. Австро-Венгрия рассыплется на куски. Что сделает Антанта? Попытается создать санитарный кордон. Но этот кордон состоит из голодных людей. Польша Пилсудского развалится сама, потому что тамошние помещики хотят только грабить Украину. Они не дадут крестьянам землю.

Я постучал пальцем по карте Европы.

— Мы предложим альтернативу. Не красный террор, а Красную Торговую Лигу. Эстония получает независимость де-юре, но её порты контролируют наши таможенники. Финляндия Маннергема остается нейтральной, но покупает наш уголь дешевле рынка. Венгрия Куна становится нашим военным плацдармом в центре Европы. Болгария Стамболийского, нашей житницей на Балканах.

Я посмотрел ему прямо в глаза:

— Мы дадим им стабильность. Защиту от реванша белых и appetитов Франции. Взамен, преференциальная торговля. Рубль станет расчетной валютой Восточной Европы. Наши заводы получают их сырье, их инженеры будут учиться у нас, а мы у них. Это не империализм колоний, Владимир Ильич. Это создание Сферы Согласия. Экономический союз, где Москва, единственный эмиссионный центр и арбитр.

Ленин взял папку. Его пальцы пробежались по титульному листу. Он понимал масштаб замысла лучше любого западного политика.

— Вы предлагаете построить Социалистическую Федерацию раньше, чем падет капитализм на Западе, — произнес он тихо. — Сделать Россию центром притяжения не лозунгами, а выгодой.

— Именно так, — подтвердил я. — Когда немецкий рабочий увидит, что в Советской Венгрии рабочие получают паек и имеют право голоса в кооперативах, а во Франции растут цены на уголь, пропаганда станет ненужной. Факты победят идеологию. Мы должны предложить миру Третий путь. Не людоедство капитала и не фанатизм перманентной революции. Рациональный социализм. Империю здравого смысла.

Ленин долго молчал, перелистывая страницы перспективного плана. Графики роста выплавки стали, схемы железных дорог, таблицы демографии.

— Это чудовищно, Александр, — наконец выдохнул он, подняв на меня взгляд. И в этой фразе звучало высшее одобрение. — Вы строите империю более жесткую, чем была у Романовых, прикрывая её знаменем освобождения труда.

Ленин продолжает листать страницы плана. Сухие строки, графики, таблицы. Ни слова о мировой гармонии или победе пролетариата над гидрой капитала. Только цифры. Тонны угля. Версты рельсов. Процент всхожести озимых.

«Товарищ Рыков: контроль за трестами легкой промышленности...» «Товарищ Дзержинский: ликвидация бандитизма на путях сообщения...» «Товарищ Сокольников: червонец, обеспеченный золотом...»

(Внутренний голос Ильича) «Он хочет построить Империю. Самую страшную империю из всех возможных, ту, где вместо Бога и Царя стоит Госплан. Он называет это «социалистической законностью», но по сути он возвращает нам Витте и Столыпина. Тех самых людей, которые вешали нас на фонарях пять лет назад. И самое чудовищное во всем этом, что его логика безупречна. Саша, ты пугаешь меня до дрожи. Ты смотришь на карту Европы и видишь не классы, а логистические узлы. Для тебя Красная Венгрия Бела Куна, это, не прорыв к Мировой Республике. Для тебя это "санитарный кордон", который сожрет белых, если они сунутся через Украину. Ты хочешь использовать немцев против французов, дав им иллюзию социализма. Ты предлагаешь дать Маннергейму лес Карелии, лишь бы он не пускал англичан в Выборг. Это империализм, Саша. Самый циничный, какой только можно представить. Ты покупаешь лояльность финского кулака правом собственности на корову, чтобы спасти Петроград от блокады. И Троцкий этого никогда не поймет. Для Льва революция, это пожар, который должен охватить весь мир завтра утром. А ты строишь печь. Медленную, чугунную, надежную печь, которая будет греть этот дом столетиями. Ты пишешь: *«Свободная торговля излишками стимулирует крестьянство»*. Боже мой, да ведь это же моя идея! Моя старая добрая кооперация, которую я пытался пропихнуть, пока Бухарин кричал про коммуны! Я назвал это «всерьез и надолго», а этот мальчишка просто взял и сделал. Без криков.

Но вот здесь... Здесь становится страшно. Раздел: *«Государственное строительство»*. Строка: *«Переход к министерской системе (Наркоматы). Единоначалие»*. Ответственный: *Рыков / Профильные Наркомы*.

Он хоронит самую суть нашей власти. Власть Советов. Коллегиальность. Ту живую, грязную, крикливую демократию казарм, которой мы брали Зимний. Он хочет заменить её чиновниками. Специалистами. Людьми со счетами, а не с маузерами. Он делает ставку на спецов, на этих бывших господ, которые сегодня служат нам только потому, что у нас есть пайки и золото. Если это сработает... Если эта машина бюрократии заработает... Мы станем сильнее царской России.

Этот человек пугает меня своей правотой. Он предлагает продать душу дьяволу ради спасения тела. Дать слово капиталистам, разрешить НЭП, вернуть погоны генералам, превратить Коминтерн в департамент внешней разведки...

Сталин чувствует изменение баланса сил кожей. Пока Троцкий мечтает о Варшаве, а Зиновьев интригует в Питере, Краев берет реальную власть.»

Ленин встал, прошелся по кабинету и вернулся к столу. Над заголовком Плана «Стабильность и Рост» поставил свою резолюцию:

«Принять за основу. Особое внимание уделить разделу IV (Социалка) и Контролю (НКГК). К. не забывать, что буферные республики должны быть красными не только по флагу, но и по земле. Землю, крестьянам ВСЕГДА. Остальное, детали. Главное, удержать ось: Москва — Урал — Сибирь—Владивосток. Всё остальное приложится. Ульянов (Ленин)».

Дверь кабинета тихо приоткрылась. Я даже не слышал шагов. Иосиф Сталин вошел бесшумно, словно тень. В руках у него была чашка крепкого чая, единственная поблажка, которую он себе позволял ночью. Он не спрашивал разрешения войти; он просто знал, что должен быть здесь.

— Читаешь евангелие от Александра? — спросил он своим тихим голосом с легким акцентом, кивнув на мою папку. Он не сел, остался стоять, прислонившись плечом к косяку. Поза расслабленная, но взгляд цепкий, оценивающий.

— Изучаю архитектуру нашего будущего рабства, Иосиф, — усмехнулся Ленин, подвигая ему папку. — Посмотри. Он предлагает упразднить коллегиальность ВСНХ. Назначить министров-единоначальников. Вернуть всё царское чиновничество.

Сталин взял бумаги. Его глаза быстро бегали по строчкам. Он читал медленно, вдумчиво, шевеля губами там, где встречал сложные экономические термины. Для него, человека из другого теста, этот язык цифр был чуждым, пугающим.

— Рыков согласен? — спросил Сталин, наконец подняв на Ленина глаза.

— Рыков видит в этом социализм. Бухарин напишет статью. Красину дадут концессии, и он будет счастлив строить заводы.

— А Троцкий? — Сталин чуть скривил губы в подобии улыбки. — Лев скажет, что ты продаешь революцию.

— Пусть говорит, — махнул Ленин рукой. — Пока он штурмует Варшаву мечтой, Краев строит реальность. Проблема в другом, Коба. Если План сработает... Если поезда начнут ходить по расписанию, а банки наполнятся золотом...

— ...то хозяином этой машины станет тот, кто держит ключи, — закончил за Ленина, Сталин.

Он положил папку обратно на стол.

— Вы боитесь его, Владимир Ильич.

Ильич удивленно посмотрел на него.

— Я боюсь его эффективности, Иосиф. Он слишком много знает. О том, как работают деньги, как ходят поезда, как думают генералы. Он делает ставку не на классовую ненависть, а на интерес. Это опасно для Партии.

Сталин прошелся по кабинету, остановился у карты России.

— Партия гибнет от фраз, Владимир Ильич, — произнес он глухо. — От бесконечных споров о том, является ли свободная торговля предательством Октября. Товарищ Краёв дает результат. Железную дорогу. Уголь. Хлеб. Если для спасения власти большевиков нужно разрешить торговать нэпманам, пусть торгуют. Если нужно вернуть погоны бывшим золотопогонникам, пусть командуют. Главное, чтобы Реввоенсовет имел снаряды, а Гохран, металл.

В полумраке его лицо казалось высеченным из камня.

— Не бойтесь использовать их, Владимир Ильич. Этих спецов. Бончей, Краевых, Кржижановских. Дайте им иллюзию, что они управляют Россией через свои арифмометры. Пусть считают вагоны. Партия останется одна. Политика, это всегда монополия. Когда придет время чистить конюшни, мы уберем их одним росчерком пера. Спец, который думает, что управляет государством, всего лишь слуга тех, кто владеет списками членов ЦК.

Я сидел в кресле у окна, но меня там не было. Физически, да, мое тело занимало пространство между столом Ленина и дверью на балкон, и Сталин меня не видел. Мой разум был холодным наблюдателем, запертым в стеклянной банке.

Появился Дзержинский, и они продолжили спор между собой, не замечая меня, как будто меня нет.

Ленин ходил по кабинету, споря со Сталиным и Дзержинским о моем плане. Они обсуждали меня. Мою судьбу. Судьбу моей экономики. И я смотрел на них как энтомолог на насекомых под стеклом.

«Слушай их внимательно, Саша», — говорил я сам себе, лениво чертя круги на промокашке. «Смотри, как они боятся того, что ты построил».

Дзержинский стоял у стены, похожий на черную птицу. От него веяло могильным холодом ВЧК.

— Мы сначала залили страну кровью, ради отмены частной собственности! — прокрипел Феликс. Его голос всегда звучал так, словно он сдерживает крик боли или ярости

«Бедный, честный фанатик,» — подумал я, наблюдая за ним. «Феликс до сих пор верит, что мы делаем это ради Справедливости. Он думает, что расстрелы — это наказание за грехи. Какое примитивное мышление. Расстрел — это просто инструмент регулировки давления в котле. Когда давление слишком высокое, нужно стравить пар. Сейчас нам нужен котел целым, поэтому я закрываю предохранительный клапан торговли. И Железный Феликс это поймет».

— Мерзко, — тихо сказал я вслух, отвечая скорее собственным мыслям, чем Ленину.

— Меня тошнит от этих цифр больше, чем вас всех вместе взятых, — сказал Ленин.

Мой внутренний голос усмехнулся: *«Тошнота — это химическая реакция мозга, Владимир Ильич ничего не знает о химии тела. Ему кажется, что НЭП — это победа здравого смысла над утопией Троцкого. Если бы он знал, что мне самому омерзительно смотреть на эти рожи нэпманов... Но без этой грязи наша Красная Империя утонет в дерьме своих же лозунгов».*

Ленин ходил по кабинету, Сталин хмурился, его желтые глаза превратились в щелки:

— Это правый уклон! Вы открываете дверь буржуазии!

«Иосиф, — подумал я лениво, чертя круги на промокашке. — Он ищет заговоры, потому что сам мыслит только категориями заговоров. Для него экономика — это магия, а не рычаг».

Внутренний монолог Дзержинского *«Смотреть на него сейчас... Как спокойно он говорит о цифрах. "Обезвреживание оппозиции". Для Александра Владимировича расстрел — это просто бухгалтерская проводка. Списание неликвидного актива. В ЧК мы зовем это высшей мерой социальной защиты. Он называет это "регулировкой логистики". Он пугает их, этих старых партийцев. Зиновьев бледнеет при слове "свободная торговля", а для Краева рынок — это просто инструмент доставки снарядов. Он чудовище? Возможно. Самое эффективное чудовище из всех, кого породила эта Революция. Империя. И мне придется защищать этого "спасителя буржуев" перед всей Партией, потому что без его цифр моя ЧК останется лишь бандой вооруженных фанатиков с пустыми желудками».*

Феликс шагнул вперед, встав рядом с Лениным. Его присутствие действовало на комнату, как холодный сквозняк.

— Железные дороги работают, Владимир Ильич, — сказал Дзержинский ровно, обращаясь только к Ленину. — Благодаря системе товарища Краева поезда ходят по расписанию впервые за три года. Мои латыши сыты. Этого достаточно для поддержки ЦК.

Я посмотрел на Дзержинского с благодарностью, которую мы никогда не высказывали вслух. Мы были двумя столпами одной виселицы: он давал государству страх, я давал порядок. Без любого из нас конструкция рухнула бы.

— Вот видите, — усмехнулся Ленин, переводя взгляд с Феликса на меня. — Даже железный рыцарь революции перестал бояться компромиссов...

— Рыцари умирают первыми, когда кончается хлеб, — ответил я, застегивая крючки френча. Пальцы слегка дрожали. — Моя задача проще. Сделать так, чтобы хлеб был.

— Именно поэтому вы здесь, — Ленин обошел стол и положил руку мне на плечо. Его ладонь была сухой и горячей. — Вы смотрите на карту мира и видите транспортные узлы. Вы предлагаете дать землю крестьянину не потому, что любите мужика, а потому что понимаете математику голода. Вы циник, Александр. Самый большой циник, которого я знаю. И самый полезный человек в Республике.

Он наклонился вперед:

— Но помните одну вещь. Как только ваш «госкапитализм» сделает свое дело... Когда заводы заработают, а Красная Армия станет непобедимой... Партия захочет убрать нэпманов. И если вы станете слишком похожи на них внешне, она попытается убрать и вас. Не злитесь на Кобу. Он сторожевой пес. Его задача, кусать тех, от кого пахнет чужим духом.

— Я понимаю правила игры, Владимир Ильич.

— Нет, — Ленин прищурился. — Пока не понимаете. Но поймете. Идите работайте. Нам нужно дожить до весны.

Глава 3

Глава третья. Незванный гость

Москва. Улица Тверская. 15 сентября 1918 года. Поздний вечер.

Я шел пешком от Кремля до своей квартиры. Еще полгода назад я никогда не пошел бы по ночной Москве один, это было самоубийством для человека моего ранга. Но сейчас город был безопаснее Петрограда времен Керенского.

Воздух пах углем, мокрым камнем и... жареным мясом. Этот запах ударил в ноздри на углу Тверской. Где-то во дворе трактира жарили мясо. Настоящее мясо. Я поймал себя на мысли, что уже забыл этот вкус. НЭП работал быстрее, чем писали отчеты мои инспектора.

Город изменился за эти полгода кардинально. Исчезла та лихорадочная энергия первых месяцев власти. Ушли толпы людей с винтовками, митинговавшие у каждого фонаря. Вместо них появились очереди. Тихие, угрюмые, но упорядоченные очереди к лавкам, где висели вывески: «Частная торговля разрешена». Люди ворчали, ругали большевиков последними словами, но их дети были сыты. Сытый человек редко берет винтовку ради идеи.

— Мы купили их лояльность, — прошептал я сам себе, глядя на темные окна доходных домов. — Продналог дал нам хлеб для армии, а разрешение торговли дало обывателю надежду. Мы продали Идею за выживание. И Ленин понял это раньше всех.

В голове снова всплыли лица из сегодняшнего совещания в Кремле.

Лицо Сталина. Каменная маска подозрительности. Он стоял у стены, скрестив руки, и слушал мой план. Для него любая сложная схема управления казалась заговором. Иосиф ненавидит меня не за то, что я делаю, а за то, что я умнее. И он запомнил взгляд Ленина, когда тот положил мне руку на плечо.

Дзержинский. Феликс встал рядом со мной против Сталина. Сказал одну фразу: «*Железные дороги работают. Мои латыши сыты*». Железный идеолог оказался самым большим прагматиком среди нас. Он понимает: ЧК может сломать хребет врагу, но строить паровозы чекисты не умеют. Моя эффективность делает ведомство Дзержинского необходимым злом, поэтому он прикрывает мою спину.

«— Самый большой циник, которого я знаю,» — вспомнил я слова Ленина.

Голос вождя звучал как диагноз врача. Он прав. Я смотрю на карту мира и вижу транспортные узлы. Мне плевать, какого цвета флаг висит над банком, если банк дает кредит под пять процентов. Мы спасаем Революцию, продавая её лозунги тем, кто готов платить золотом.

Но теперь они все смотрят на меня. Бухарин боится моей эффективности, она делает ненужными его теории мировой революции. Сталин ждет момента, чтобы объявить меня агентом мирового капитала. Даже Феликс защищает меня лишь до тех пор, пока моя машина работает на его безопасность.

Мне нужны люди, которым можно доверять больше, чем Политбюро. Люди дела, а не фразы. Те, кто понимает язык логистики лучше цитат Маркса. Красин? Да, он гений концессий, но капиталист всегда предаст ради прибыли. Дзержинский? Он фанатик, который спит с маузером под подушкой. Ему нельзя показывать весь масштаб плана «Буфер», иначе его сердце фанатика остановится от ужаса перед моим цинизмом.

Нужны другие. Прагматики. Специалисты вроде Бонч-Бруевича. Или такие же холодные машины, как я сам. Мы строим колоссальную пирамиду. Буферные республики, франкенштейны. Государство-левиафан, питаемое цинизмом. Такая конструкция требует абсолютного единства создателей.

За этими мыслями я дошел до дверей парадной, поднялся в квартиру. За окном шумела Москва, новая столица Империи, которая еще не поняла, что стала центром нового порядка. У меня есть Конституция. Есть золото Гохрана. Есть план построения Социалистического лагеря.

Я стал незаменимым. Настолько нужным, что они боятся меня убить, пока всё работает. Но стоит машине дать сбой, хлебным эшелонам встать хотя бы на день, и вчерашние союзники разорвут меня первыми. Сталин ждет моей ошибки, чтобы объявить агентом мирового капитала. Бухарин боится моей эффективности больше, чем белое движение. Только Дзержинский защищает меня.

Ключ повернулся в замке почти беззвучно. Я вошел в свою квартиру на Тверской и замер, не снимая мокрого пальто. Инстинкт самосохранения, отточенный за время работы в НКГК, был громче сирены воздушной тревоги. Воздух в квартире был чужим. Он пах не пылью старой мебели и не остывшим кофе, он пах присутствием. Чужим дыханием. Дорогим одеколоном и оружейной смазкой.

Я медленно, стараясь не шуметь, двинулся через гостиную. В кабинете горел свет. Не яркий электрический, а тусклый, желтый свет керосиновой лампы. Тот, кто ждал меня здесь, знал правила игры: тени скрывают лучше, чем темнота.

За моим рабочим столом сидел человек. Спиной ко мне. Он даже не обернулся на звук моих шагов. Просто положил на столешницу мою собственную «Перспективную карту развития РСФСР». Ту самую копию с пометками о буферных республиках, которую я утром показывал Ленину. Экземпляр существовал всего в трех экземплярах.

— Долго гуляете по ночной Москве, Александр Владимирович, — произнес гость. Голос был лишен акцента, но выдавал человека, привыкшего отдавать приказы в тишине штабов. Сухой, ломкий голос прагматика. — Улицы нынче опасны, особенно для тех, кого боится Сталин.

Гость поднял голову. Свет лампы упал на лицо, которое знала вся Европа, но мало кто видел без военной формы или маски дипломата. Генерал фон Сект. Или как его звали здесь, господин Шмидт, консультант Наркомвнешторга. Немецкая сталь во плоти.

Мое сердце пропустило удар, но рука твердо закрыла дверь на замок.

«Значит, они уже здесь», — пронеслось в голове ледяной вспышкой. Все мои планы о создании «буфера» только что материализовались в моем собственном кресле. Это была либо самая блестящая вербовка в истории, либо моя могила.

Сект смотрел на меня без ненависти. Для него я был инструментом. Хирургическим инструментом сложной конструкции.

— Вы рискуете больше моего, генерал, — сказал я, садясь и доставая портсигар. Руки оставались спокойными. Внутри же всё сжалось в тугую узел. — Если нас накроют здесь... Вас объявят германским шпионом. Меня, английским. Мы составим прекрасную компанию перед ревтрибуналом.

— Нас не накроют, — отрезал немец. Его взгляд скользнул по карте моей Империи. — Ваши люди у дверей надежны?

— Да, — ответил я.

Сект позволил себе тень улыбки.

— Ваш план гениален, Краев. Создать Социалистический лагерь как санитарный кордон... Использовать немецких офицеров Рейхсвера против Антанты под знаменами Коминтерна. Это циничнее Макиавелли. Но есть проблема.

Он постучал сухим пальцем по строке на моей карте, где значилась надпись: «Совет Экономической Взаимопомощи».

— Ваша машина слишком эффективна. Когда поезда начнут ходить точно по расписанию, товарищу Сталину станет очень страшно. А когда Иосифу страшно, он начинает искать повод для чистки аппарата. Кто-то должен стать виноватым за то, что Германия еще не напала. И этим виновным станете вы.

Я посмотрел немцу в глаза. Впервые за долгое время я почувствовал себя не кукловодом, а фигурой на доске. Такой же крупной, но такой же уязвимой.

— Значит, нам нужен предохранитель, — произнес я тихо. — Человек внутри Политбюро, который прикроет нас, если Сталин решит сыграть ва-банк раньше времени.

Сект кивнул. Положил руку на папку с моими планами.

— У вас уже есть такой человек. Бухарин. Николай Иванович сейчас перепуган вашим успехом настолько, что готов бежать к вам за защитой. Ему нужна ваша экономическая логика, чтобы оправдать свое существование перед Лениным. Используйте его страх. Сделайте его своим рупором.

Я откинулся на спинку кресла. Осознание происходящего было холодным и тяжелым, как надгробная плита. Вот оно что. Немецкий генерал сидит в моем кабинете посреди Москвы и учит меня делать внутрипартийные перевороты. Я создал систему, которая должна спасти Россию, но теперь эта система требует человеческих жертвоприношений ради собственного выживания. И первой жертвой должен стать тот, кто стоит ближе всех к трону после Ленина.

— Что именно вы хотите взамен, Генрих? — спросил я прямо. — Кроме спасения Германии руками большевиков.

— Гарантия того, что ваши заводы будут работать на два фронта, — спокойно ответил Сект. — На случай, если Версальский мир окажется хрупким. Наши офицеры учат ваших командиров тактике. Взамен наши промышленные круги должны получить приоритет при распределении заказов вашего Совмина.

Мы смотрели друг на друга через стол. Два призрака империй, которые официально считались врагами. Строители нового мира на костях старого.

— Договорились, — выдохнул я. — Бухарин будет читать лекции о НЭПе. А мы с вами будем строить реальность. Но запомните...

Я выдержал паузу, глядя ему прямо в зрачки.

— ...если это ловушка, Генрих, первая пуля достанется вам. А вторая, тому, кто послал вас сюда. Моя смерть похоронит ваш Рейхсвер быстрее, чем французские танки.

Сект усмехнулся уголком рта. Холодно, без веселья.

— В этом и заключается прелесть нашего союза, герр Краев. Мы оба знаем, что цена ошибки, расстрельная стенка. Это делает наше партнерство исключительно честным.

Когда дверь закрылась, я остался один в темноте квартиры.

Я подошел к столу, плеснул коньяка в стакан и залпом выпил. Спирт обжег горло, но не согрел. Внутри поселился новый, незнакомый доселе холод. Страх перед собственной тенью.

После ухода Секта я долго стоял у окна, глядя на огни ночной Москвы. Страх прошел, оставив после себя звенящую ясность ума. Немец прав. Мне нужна ширма. Человек, который будет стоять между мной и револьверами ЦК. Тот, чья глупость или амбиции станут идеальным щитом.

Бухарин. Николай Иванович.

«Какая восхитительная ирония», — подумал я, закуривая папиросу. «Наш "любимец партии". Главный идеолог, чьи речи заставляют плакать курсисток. Пустослов, способный часами рассуждать о "социалистической законности", пока ест бутерброд с икрой. Для него наш договор с капиталом, это диалектический триумф. Он искренне верит, что обманывает Запад своей риторикой. Пусть верит дальше».

Бухарин тщеславен. Ему мало быть вторым человеком в Партии, он хочет быть Первым Теоретиком. Он ненавидит Сталина за грубость, презирает Каменева за слабость, а меня... он считает полезным идиотом-управленцем. Идеальная маска.

Он станет моим рупором. Моим бумажным тигром. Пока Коминтерн спорит о перманентной революции, мы построим империю под шум их дебатов.

Страх окончательно ушел, сменившись привычным азартом охотника. Машина запущена. Осталось только нажать на курок.

Глава 4

Глава четвертая. На лезвии ножа

Москва. Квартира Краева. 16 сентября 1918 года. Раннее утро.

Я сидел за столом, глядя на спящего Василия в кресле у двери. Сон свалил его прямо там, где он стоял на посту.

Дверь открылась. Вошли двое: Дзержинский вошел первым, бесшумно ступая по ковру, следом, Джунковский. Владимир Фёдорович выглядел безупречно, как всегда, но тени под глазами выдавали бессонную ночь.

— Он был здесь? — спросил Феликс вместо приветствия. Его скрипучий голос звучал ровно, но я знал этот тон. Так звучит натянутая струна.

Я кивнул на кресло напротив:

— Садитесь. Выпейте чаю. Генрих фон Сект ушел несколько часов назад.

Джунковский сел, аккуратно поправив манжеты. На нем не было ни капли усталости, лишь предельная концентрация хищника.

— Немецкий Генеральный штаб... — протянул он задумчиво. — Это меняет расклад сил кардинально. Если Берлин делает ставку на нас против Версаля...

— Они делают ставку на выживание, — перебил я его, разливая чай. — Сект прагматик до мозга костей. Он ненавидит демократов Веймара больше, чем большевиков. Для него мы, единственный инструмент, способный удержать Германию от распада или поглощения Антантой.

Феликс взял стакан с чаем, но пить не стал. Просто грел об него свои длинные пальцы.

— Ты привел врага в наш дом, Александр, — проскрипел он. Голос был лишен эмоций, но я чувствовал напряжение. — Офицер Рейхсвера сидит в твоём кабинете посреди Москвы. Если это дойдет до Троцкого...

— Лев спит и видит германскую революцию, — усмехнулся я. — Если узнает, что немецкий генерал пьет со мной коньяк ради спасения России, решит, что это гениальный тактический ход Коминтерна. Пусть думает так дальше.

— А Сталин? — подал голос Джунковский. Он смотрел на меня своими пронзительными глазами без малейшего страха. Он видел людей насквозь, читая их страхи лучше любой шифровки.

При упоминании Кобы атмосфера в комнате стала ледяной.

— Иосиф считает всё, чего не понимает, контрреволюцией, — ответил я жестко. — Мой план НЭПа для него уже измена. Создание Совета Министров из спецов объявлено термидором. Ему нужен повод убрать меня, пока моя машина управления не стала сильнее его аппарата партии.

Феликс медленно поставил стакан на стол. Звук удара фарфора о дерево прозвучал как выстрел.

— Поэтому ты хочешь ввести меня в Совет Министров?

— Не просто хочу, Феликс, — я посмотрел ему прямо в глаза. — Твое присутствие рядом со мной во время оглашения этого списка завтра, единственное, что удержит Кобу от попытки ареста прямо в зале. Одно дело, спорить с экономистом Краевым. Другое, пытаться арестовать человека, которого публично поддерживает председатель ВЧК.

Дзержинский долго молчал.

— Значит, союз меча и арифмометра, — проскрипел он наконец. — Ты строишь государство, а я охраняю тебя от Партии, пока она не сожрала саму себя.

— Именно, — кивнул я. — Но есть условие. Мои специнспектора НКГК получают право прямого доступа к любым данным ВЧК. Мы должны знать, кто внутри твоей службы работает на Сталина, а кто, на идею. Двойная игра должна быть прозрачной.

Лицо Железного Феликса осталось каменным, но я заметил, как едва заметно дернулась жилка на шее. Передать контроль над кадрами ЧК финансисту, это требовало колоссального доверия. Или отчаянного положения.

— Хорошо, — выдохнул он. — Твои люди получают пропуска. Но если хоть один твой инспектор начнет копать под моих заместителей ради интриг Политбюро...

— То отвечать будем оба, — закончил за него Джунковский. Впервые за вечер старый жандарм позволил себе улыбку. — Пакт подписан, господа. Добро пожаловать в Империю.

Джунковский сидел в кресле для посетителей с абсолютно прямой спиной. Он выглядел так, словно провел ночь не за анализом немецкой агентуры, а на светском рауте. Лишь чуть более бледный цвет лица выдавал напряжение.

— Сект — это призрак, Александр Владимирович, — произнес Владимир Фёдорович своим тихим, шелестящим голосом. — Человек-призрак из прошлого Кайзера. Для него Россия сейчас, это не враг. Это инструмент.

Я закрыл папку с проектом Совета Министров и посмотрел на своего главного разведчика.

— Объясни, — бросил я.

Джунковский взял со стола карандаш и начал медленно вращать его между пальцами. Этот жест означал высшую степень концентрации.

— Версальский договор еще не подписан чернилами, но он уже написан кровью Германии, — начал он. — Генерал фон Сект понимает: Антанта хочет уничтожить Германию навсегда. Разделить её на куски. Но у Франции нет армии, чтобы оккупировать Рейх надолго. У них есть только один способ удержать немцев в узде, держать их голодными и слабыми.

Он положил карандаш на карту Европы, лежавшую перед ним.

— А теперь смотрите на ситуацию глазами Берлина. На Востоке, мы. Огромная, непонятная сила с огромным потенциалом. Мы предлагаем немцам то, чего им не даст никто: выход к сырью через нас. Выход к технологиям. И главное, возможность реванша руками большевиков против французов.

— Ты хочешь сказать, что Сект приехал покупать дружбу? — спросил Дзержинский. Он стоял у окна, неподвижный как статуя, но слушал внимательнее всех.

— Нет, Феликс Эдмундович, — мягко улыбнулся Джунковский. — Сект покупает не дружбу. Он покупает время. Германия проигрывает войну на Западе. Но она не готова проигрывать геополитику. Если Франция попытается захватить Рур или расчленить страну, немецкий генералитет ударит по собственному правительству. Им нужен хаос на Востоке, чтобы связать руки Западу.

Феликс резко обернулся от окна:

— Значит, они используют нас как пугало?

— Они думают, что используют нас, — ответил я. — В этом вся прелесть игры.

Я подошел к карте России.

— Посмотрите сюда. Линия соприкосновения. Польша Пилсудского висит на соплях. Венгрия вот-вот полыхнет. Если мы дадим Секту иллюзию, что Красная Армия может выйти к Одру... Французы будут вынуждены держать свои лучшие дивизии в Эльзасе, боясь удара в спину.

Я повернулся к соратникам:

— Сект дает нам карт-бланш на создание буферных республик. Пусть думает, что создает санитарный кордон против себя самого. На деле же мы создаем зону нашего влияния до самой Вислы. Мы берем под контроль всё пространство, пока Европа занята своими разборками.

Дзержинский отошел от окна и встал рядом со мной, глядя на ту же точку карты, Варшаву.

— Это игра в долгую, — проскрипел Железный Феликс. — Опасно. Сегодня они с нами, завтра потребуют вернуть долг территорией.

— Поэтому мы никогда не отдадим долги, — отрезал я. — Как только наша промышленность заработает на полную мощность, нужда в немецком капитале отпадет. К тому моменту наши танки должны быть лучше французских танков. А наш единственный союзник там, — я кивнул на западную границу, — это страх Запада перед собственной тенью.

Джунковский тихо рассмеялся. Звук был похож на шорох сухих листьев.

— Вы, товарищ Краев, — сказал он. — Вы используете идеологию Коминтерна как наживку, чтобы поймать на крючок весь германский Генштаб.

— Я использую доступные инструменты, Владимир Фёдорович, — ответил я. — Нам нужна передышка. Десять лет тишины. За это время мы построим такую машину, которую Европе будет не сломать ни санкциями, ни интервенцией.

Я обвел взглядом своих людей.

— А теперь о главном, — мой голос стал ледяным. — Встреча с Сектом должна остаться абсолютной тайной. Официально Германия, наш враг номер один. Любая утечка о моих переговорах уничтожит меня политически быстрее, чем пуля террориста.

Я посмотрел прямо в глаза Дзержинскому:

— Феликс, обеспечить контрразведывательное прикрытие. Чтобы даже твои замы на Лубянке считали контакты с немцами твоей личной оперативной игрой, о которой мне знать не положено.

Затем перевел взгляд на Джунковского:

— А вы, Владимир Фёдорович, начинайте игру. Подкиньте нашим немецким друзьям немного дезинформации.

Дверь закрылась с мягким щелчком, отрезая меня от шума коридоров и дыхания моих церберов. Я остался один в кабинете, который всё больше напоминал не кабинет чиновника, а склеп недостроенного собора.

«Сект... Генрих фон Сект. Старый прусский волк думает, что купил себе щит на Востоке. Он смотрит на карту Европы и видит шахматную доску: "Пусть большевики свяжут руки французам у Варшавы". Какая восхитительная слепота. Генерал верит, что использует нас как пешку против Антанты. Он не понимает главного: я использую его страх перед Версалем, чтобы построить клетку для самой Германии. Пока они боятся нашего Коминтерна, мои поезда повежут их же уголь из Рура под видом репараций. Мы заставим Рейхсвер охранять границы нашей Империи за свои же деньги».

Глава 5

Глава пятая. Анатомия распада

Москва. Кабинет Краева. 22 сентября 1918 года. Раннее утро.

В кабинете было темно, единственным источником света была зеленая лампа на моем столе. За окном еще стояла глухая ночь, но здесь, в центре НКГК, работа не прекращалась ни на минуту. Мы жили по времени телеграфных лент.

Напротив, меня за столом сидел Быстрых. Его лицо осунулось от недосыпа, под глазами залегли тени, но взгляд был острым, как скальпель. Перед ним лежали сводки внешней разведки и аналитика, наши нервные окончания, тянущиеся через линии фронтов и границы нейтральных стран.

— Германский фронт держится на соплях, Александр Владимирович, — тихо произнес Быстрых, передвигая по карте флажок с пометкой «Салоники». — Болгарская армия фактически вышла из войны неделю назад, просто они боялись это признать официально. Сейчас там начался обвал.

Я взял протянутую им сводку Разведупра. Текст пестрел фразами: «падение боевого духа», «отказ частей грузиться в эшелоны», «братание». Но я смотрел не на них. Я смотрел на приписку внизу страницы, сделанную рукой нашего резидента:

«Болгарские части гарнизона Софии отказались выступить против крестьянских отрядов Стамболийского. Солдаты братаются с "земледельцами". Офицерский состав деморализован поражением при Добро-Поле. Ждут приказа о мире любой ценой».

— Момент настал, — сказал я, откладывая бумагу. — Точка невозврата пройдена час назад. Пока мы тут читаем телеграммы, полковник Лаптополов уже выводит роты к королевскому дворцу.

Быстрых кивнул, его глаза блеснули азартом хищника.

— Связь со штабом Радко-Дмитриева прервана нашими людьми. Царь Фердинанд заперся во дворце и ждет вестей от Макензена. Но немецкая Девятая армия сама рассыпается. Немцы бегут так, что болгары их даже не преследуют.

— Сект знает? — спросил я.

— Знает, — усмехнулся он. — И он в панике. Если Антанта поймет, что Берлин оголен...

— Она поймет это завтра утром, — закончил я. — Пора вызывать гостей.

Я встал и подошел к висевшей на стене карте Балкан. Провел пальцем линию от Вены до Софии.

— Напомни мне состояние дел в Вене, — попросил я.

— Австрия мертва, — ответил Николай Алексеевич без сантиментов. — Карл I пытается торговаться с Антантой, обещая сепаратный мир, но его никто не слушает. Венгрия Хорти балансирует на грани переворота. Их солдаты хотят домой стрелять в своих евреев и аристократов, а не замерзать в украинских степях. Они ненавидят друг друга больше, чем нас.

— А Турция? — Энвер-паша бредит захватом Баку, но у него нет патронов. Англичане держат проливы. Турки готовы подписать любую капитуляцию, если мы пообещаем им не трогать Константинополь прямо сейчас. Они боятся только одного, остаться один на один с греками и армянами.

Я вернулся к столу. Сложная мозаика сложилась окончательно. Империи рушились не от ударов армий, а от внутреннего гниения. Германия держалась лишь потому, что французы всё ещё надеялись договориться с генералом, а не с коммунистом. Но стоило показать слабость кайзера на Балканах, и цепная реакция станет необратимой.

— Время пришло, — произнес я, глядя на спящего в кресле Василия. — План «Буфер» вступает в активную фазу.

Я взял чистый лист бумаги.

— Первое. Сегодня ночью связной передает Александру Стамболийскому сигнал «Весна». Он начинает марш на Софию. Его задача, арестовать царя и правительство, объявить Болгарскую Социалистическую Республику и немедленно запросить военную помощь РСФСР для защиты от интервенции Антанты.

— Второе, — я посмотрел на него. — Подготовьте план переброски двух дивизий Интернациональной бригады, тех самых немецких и венгерских полков к границе Болгарии. Официально, для охраны коммуникаций от бандитов. Фактически, чтобы поддержать восставших братьев-пролетариев, если болгарская армия заколеблется.

Я поднял взгляд на карту Германии.

— Третье. Контакт с Веной. Как только София падет, мы предложим королю Карлу... или тому, кто свергнет Карла, выход из войны. Полное сохранение династии Габсбургов в Австрии в обмен на военный союз. Пусть австрийская армия охраняет свои границы от итальянцев именем Советской России.

Я сделал глоток остывшего чая. Горечь привела мысли в окончательный порядок.

— Четвертое. Венгрия. Как только Бела Кун вернется из Москвы с деньгами Коминтерна, он начнет раскачивать лодку в Будапеште. Нам нужен хаос справа, чтобы оправдать ввод наших войск слева.

Я отложил карандаш. Посмотрел на Быстрых.

— Что говорит наш человек в окружении Кемаля? — спросил я. — Ататюрк понимает, что англичане выбросят его, как только возьмут Мосул?

— Понимает, — кивнул Сомов. — Он готов принять наших военных советников хоть завтра. Мы дадим ему иллюзию независимости Кавказа, если он признает наше доминирование в Черном море.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время искренне. План «Буфер» перестал быть теорией. Он становился реальностью. Мы окружали Россию поясом марионеточных государств, которые будут защищать наши границы лучше собственных армий, потому что наша Красная Армия будет единственной гарантией того, что их местные элиты вообще останутся живы.

— Отправляя депеши, Николай, — сказал я. — Время разговоров кончилось. Начинаем операцию.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял Бонч-Бруевич. Он выглядел уставшим, но его глаза светились тем особым огнем триумфа, который бывает только после выигранной безнадежной битвы.

— Всё, Александр Владимирович, — произнес он вместо приветствия, тяжело опускаясь в кресло. — Закончили.

Я отложил карандаш.

— Конкретнее, Михаил Дмитриевич.

— Деникин перестал существовать, — буднично сообщил генерал, словно речь шла о подавлении мелкого бунта. — Остатки Добровольческой армии прижаты к морю в районе Новороссийска. Те, кто не успел сесть на корабли, капитулируют или уходят мелкими группами в горы. Организованного сопротивления Юг больше не оказывает.

Я закрыл глаза, позволяя волне облегчения смыть часть накопившейся за месяцы усталости.

«Наконец-то», — пронеслась мысль. «Почти год мы балансировали на краю. Сначала спасали Питер от голода, потом давили эсеров, латали дыры на Востоке... Теперь хребет сломан. Мы выстояли».

— Потери? — спросил я, хотя для статистики это уже было неважно.

— Приемлемые, — ответил Бонч. — Благодаря тому, что ты продал создание ударных кулаков из латышей и интернационалистов еще весной. Они шли там, где кадровые части

прошлого года просто бы разложились. Твоя система снабжения НКГК сработала безупречно: снарядный голод Южному фронту больше не грозил.

— Хорошо, — я встал и подошел к большой карте Европейской России. — Значит, так. Армии Егорова и Шорина передать в состав Западного направления.

Бонч кивнул, делая пометки в блокноте.

— Куда направляем освободившиеся силы?

— Никуда, — отрезал я. — Наша задача сейчас, переварить то, что сожрали. Но показать зубы придется.

Я взял красный карандаш и провел жирную линию по границе РСФСР с территориями Центральных держав.

— Брестский мир трещит по швам, Михаил Дмитриевич. Германия проигрывает на Западе. Австро-Венгрия рассыпается на куски прямо сейчас. Их солдаты хотят домой, жрать свой штрудель, а не охранять наши склады.

Я повернулся к генералу:

— Нам не нужно ждать их капитуляции. Мы должны её спровоцировать. Подготовьте директиву. Нота германскому правительству. Тон ультимативный. Текст такой: ввиду полного разгрома сил внутренней контрреволюции на Юге и окончательной стабилизации Восточного фронта, присутствие оккупационных войск Рейхсвера на территории Украины и Белоруссии признается избыточным и нарушающим суверенитет Республики. Срок вывода, десять суток.

Бонч-Бруевич приподнял бровь:

— А если они откажутся, ... товарищ Краев? Группа армий «Остзее» всё ещё существует.

— Не откажутся, — усмехнулся я. — Потому что следом пойдет вторая нота. О денонсации Брестского мира в одностороннем порядке, если войска не покинут территорию. Мы не будем объявлять войну Германии. Мы просто начнем демонстративную переброску Первой Конной Буденного и латышских дивизий Вацетиса на западную границу. Под предлогом маневров.

Я посмотрел на генерала:

— Сколько времени займет скрытая концентрация пятидесяти тысяч бойцов у границы в Гомеле и Пскове?

— Неделя, — мгновенно ответил Бонч. — Железная дорога работает как часы.

— Действуйте, — кивнул я. — Пусть посол Мирбах получит эту бумагу завтра в полдень. К вечеру кайзер должен узнать, что у него остался выбор: отдать Украину добровольно или получить восстание спартакистов внутри Берлина и мобилизацию миллионной РККА снаружи. Страх перед революцией заставит их отступить быстрее, чем страх перед нашими штыками.

Когда Бонч вышел, я остался один. Гражданская война была фактически закончена. Белое движение раздавлено логистическим превосходством Красной Армии. Крестьяне пахали землю под защитой новой налоговой системы. Заводы начинали дымить.

Теперь начиналась Большая Игра. Битва за Европу, которая разваливалась на куски. И у нас в руках был самый сильный аргумент, работающая экономика и армия, которая научилась побеждать.

НОТА:

ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

ПРАВИТЕЛЬСТВУ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики имеет честь заявить Правительствам Центральных держав следующее:

Со дня подписания Брест-Литовского мирного договора прошло пять месяцев. В течение этого времени Рабоче-Крестьянская Красная Армия, опираясь на безграничное доверие трудового народа к власти Советов, восстановила железный порядок на всей территории страны от Архангельска до Астрахани.

Советское Правительство с удовлетворением отмечает, что условия мира позволили нам сосредоточить силы для подавления внутренней контрреволюции. На сегодняшний день вооруженное сопротивление сил буржуазии полностью ликвидировано как на Восточном, так и на Южном фронтах. Внутренняя война в России окончена победой трудящихся.

Однако Германская и Австро-Венгерская стороны продолжают удерживать под своим военным контролем значительные части территорий бывшей Российской Империи: губернии Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую, а также Украину, Крым и земли Белоруссии.

Данное присутствие иностранных войск на суверенной территории Республики более не может быть оправдано состоянием войны или необходимостью обеспечения безопасности демаркационной линии.

РСФСР заявляет о нижеследующем:

О прекращении состояния войны. Поскольку Советская власть прочно установлена на всей территории Великороссии, Сибири и Поволжья, а внутренняя контрреволюция уничтожена как организованная сила, состояние гражданской нестабильности, вынуждавшее нас к уступкам, прекращается. РСФСР считает себя свободной от обязательств по ст. VI Брестского договора, ограничивающих её суверенитет над оккупированными территориями.

Требование вывода войск. РСФСР требует немедленного, в срок до **1 октября 1918 года**, начала планомерного вывода всех частей германской и австро-венгерской армий за пределы государственных границ 1914 года. Оккупационные администрации должны быть распущены, управление возвращено местным Советам рабочих и крестьянских депутатов.

Экономический аспект. Дальнейшее промедление будет расцениваться нами как попытка экономического удушения Республики. Мы напоминаем Правительству Германии, что продолжение оккупации блокирует поставки русского сырья (зерна, руды, леса), жизненно необходимого промышленности Рейха в условиях британской морской блокады.

О праве самоопределения. Если войска Центральных держав покинут территорию Украины и Белоруссии добровольно, вопрос их политического статуса будет решен путем свободного волеизъявления народов данных регионов под наблюдением советских представителей.

Предупреждение. В случае отказа от выполнения данного требования или затягивания сроков эвакуации, Российское Правительство оставляет за собой право полной свободы действий по восстановлению территориальной целостности Государства всеми имеющимися в его распоряжении военными и экономическими средствами.

Председатель Совета Министров РСФСР

В. Ульянов (Ленин)

Зам. Председателя Совета Министров

А.В. Краев

Москва, Кремль. 22 сентября 1918 г.

Глава 6

Глава шестая. Триумф логики

Москва. Кремль. Большой зал заседаний Совмина. 23 сентября 1918 года. Утро.

За длинным столом в зале заседаний не было свободных мест. Впервые за долгое время здесь собрался не просто ЦК партии, а расширенный состав: наркомы правительства, члены ЦК и командующие фронтами. Воздух был наэлектризован ожиданием. Сегодня решалось, станет ли Советская Россия государством или останется военным лагерем.

Ленин сидел во главе стола, глаза блестели тем лихорадочным огнем, который появлялся только перед принятием решений исторического масштаба. Справа от него сидел Троцкий, нервно постукивая пальцами по кожаной папке. Слева, Свердлов, холодный и собранный.

Я поднялся. Мое место теперь было здесь, среди небожителей власти. Проект «Буфер» лежал у меня в портфеле, готовый к оглашению.

— Товарищи, — начал я, и мой голос прозвучал глухо, перекрывая шепотки в зале. — Гражданская война внутри России окончена.

По залу прошелестел вздох. Это звучало как богохульство для тех, кто привык жить войной, но это была правда.

— Деникин разгромлен окончательно, — продолжил я, глядя прямо на Троцкого. — Его остатки прижаты к Черному морю. На Востоке Колчак заперт в сибирской тайге без снабжения и теряет управление над своими армиями. Внутренняя контрреволюция уничтожена как организованная политическая сила.

Я сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе.

— Мы победили. Но мы победили не потому, что были самыми идейными. Мы победили, потому что научились управлять хаосом.

Я подошел к большой карте Российской Империи.

— Брестский мир выполнил свою историческую роль. Он дал нам передышку. Но сейчас он стал обузой. Германия проигрывает войну на Западе. Австро-Венгрия рассыпается. Оккупационные войска Центральных держав сидят на нашей земле мертвым грузом. Они боятся Антанты больше, чем нас.

Я открыл портфель и достал первый документ.

— Операция «Буфер», о которой многие из вас слышали лишь слухи, начинается сегодня.

Я развернул карту Европы.

— Наш план прост. Мы денонсируем условия оккупации де-факто, не разрывая бумажку договора де-юре до поры до времени. Первое: Украина. Правительство гетмана Скоропадского держится только на немецких штыках. Как только немцы начнут эвакуацию под давлением нашего ультиматума, режим рухнет сам. Мы поддержим Директорию Петлюры экономически, чтобы они сами пригласили наши части для защиты от анархии. Мы вернем Украину через парадную дверь. Второе: Белоруссия и Прибалтика. Там уже действуют наши подпольные ревкомы. Как только немецкие гарнизоны ослабнут, местные Советы провозгласят власть. Мы введем Интербригады латышей и немцев-интернационалистов «для помощи братским народам». Никакого вторжения. Только приглашение законного правительства.

Троцкий вскочил:

— Владимир Ильич!

— Лев Давыдович может ехать в Берлин хоть завтра, — отрезал я, не дав Ленину вставить слово. — Пусть агитирует тамошних рабочих. Но пока ваши спартакисты будут писать манифесты, французы займут Рур. Мы создаем санитарный кордон не против Германии, а

вокруг неё. Буферные республики станут нашими щитами. А когда Европа полыхнет всерьез, мы будем единственной страной, у которой есть хлеб, нефть и работающая промышленность.

Ленин медленно встал. Подошел ко мне. Положил руку мне на плечо. Этот жест означал полное доверие.

— Товарищ Краев прав, — произнес Ленин громко, обращаясь ко всему залу. — Мы слишком долго говорили языком декретов. Пора говорить языком станков и эшелонов. Он посмотрел на Троцкого: — Готовьте армию, Лев Давидович. Но помните: она пойдет на Варшаву только тогда, когда скажет товарищ Краев. Когда наш тыл будет в безопасности.

Затем Ленин повернулся ко мне:

— Начинайте операцию «Буфер», Александр Владимирович.

— Ультиматум уже ушел? — тихо спросил Ленин, глядя на меня поверх сцепленных пальцев.

— Еще вчера, Владимир Ильич, — ответил я. — Двадцать второго сентября Народный комиссариат иностранных дел передал ноты правительствам Германии и Австро-Венгрии. Мы требуем немедленного вывода войск со всех оккупированных территорий до линии Нарва — Псков — Орша. Срок — первое октября.

— А если они откажутся выводить армию? — проскрипел из угла Сталин.

— Пусть попробуют остаться, — усмехнулся я. — Как только их солдаты узнают о революции в Берлине, они сами начнут брататься с нашими пограничниками. Нам нужно лишь создать вакуум власти, чтобы заполнить его своими людьми.

— Польша? — подал голос Дзержинский, стоявший у стены неподвижной статуей.

— Польша, станет нашим буфером, — сказал я. — Мы поддержим Директорию экономически. Дадим им уголь в обмен на признание Минска советской республикой. Пусть думают, что используют нас, пока наши полки будут стоять за их спинами.

Дверь зала заседаний снова открылась. Это были не курьеры. Вошли двое мужчин, которых еще месяц назад никто не знал в лицо Кремля. Первым шел высокий, подтянутый человек с офицерской выправкой, которую не могла скрыть штатская тужурка, бывший полковник царской армии Николай Васильевич Крыленко. За ним следовал плотный мужчина с тяжелым взглядом, Мануильский, эмиссар Украинской ССР.

Ленин жестом пригласил их сесть.

— Товарищи представляют правительства будущих советских республик Прибалтики и Украины, — представил он их. — С сегодняшнего дня ваши штабы переходят на прямое снабжение через аппарат товарища Краева. Ваши границы охраняют части Красной Армии. Ваша независимость будет признана всем миром... после того, как германские дивизии уйдут за Одер.

24 сентября 1918 года.

Кабинет Ленина был полон табачного дыма и напряжения. Мы ждали ответа из Берлина. Текст, написанный моим аппаратом НКГК сухим языком банковских клерков, не оставлял пространства для маневра: *«Вывод войск до первого октября или полная экономическая блокада со стороны РСФСР»*.

— Они не посмеют отказать, — произнес Ленин, меряя шагами кабинет. — Вильгельм держится на штыках, которые хотят домой жрать баварские сосиски. Им нужен повод уйти с Востока, сохранив лицо перед Антантой. Наш ультиматум, это их спасение.

Телефонный аппарат на столе издал резкий треск. Прямая линия Наркоминдела. Чичерин говорил быстро, глотая слова:

— Владимир Ильич... Ответ от Гинденбурга пришел. Правительство Германии принимает условия. Эвакуация частей Группы армий «Киев» начнется немедленно. Граф Мирбах отозван для консультаций. В Берлине паника.

Ленин ударил кулаком по столу так, что подпрыгнул стакан:

— Отлично! Значит, вакуум власти создан. Теперь наша очередь заполнять пустоту. Связь есть?

Я кивнул, хотя мое сердце билось быстрее обычного. Это была самая рискованная часть игры.

— Связь с Ригой установлена. Линия чистая.

Он поднял трубку прямого провода:

— Соедините меня с правительством Советской Латвии.

Пока операторы соединяли линию, я смотрел на карту. Операция «Буфер» переходила из фазы угрозы в фазу поглощения.

На том конце провода раздался сухой, надтреснутый голос Петра Стучки. Старый большевик, юрист, он понимал язык права лучше, чем язык пулеметов.

— Товарищ Зам.Председателя Совмина? — голос звучал напряженно. — У нас тут неспокойно. Немецкие патрули нервничают. Офицеры Балтийского ландесвера говорят о походе на Петроград.

— Слушайте внимательно, товарищ Стучка, — мой голос зазвучал в Риге через сотни верст проводов. — Ультиматум сработал. Гинденбург приказал генералу фон Катену начать эвакуацию Рейхсвера. Через неделю немцев в Прибалтике не будет. Но они уйдут только туда, где увидят власть. Если в Риге будет хаос, Антанта высадит десант раньше, чем высохнут чернила на договоре.

— Что требуется от нас? — спросил Стучка.

— Провозгласите Советскую Социалистическую Республику Латвии сегодня, — отчеканил я. — Официально запросите военную помощь у Москвы для защиты революции от происков империалистов. Просьба должна быть опубликована во всех газетах Риги сегодня вечером.

— Но Пилсудский... Польша...

— Польшей займется Троцкий позже, — отрезал я. — Ваша задача, открыть границу для наших эшелонов. Пропускайте составы с углем Тулы в Германию беспрепятственно. Взамен вы получаете статус суверенного государства под защитой РККА. Вы поняли задачу?

— Понял, товарищ Краев, — выдохнул Стучка. — Сегодня же соберем Исполком.

Кабинет Директории УНР. Киев.

Тот же час.

Ситуация здесь требовала иного подхода. Симон Петлюра ненавидел Москву лютой ненавистью, но еще больше он боялся остатков армии Деникина.

На связи был Антон Овсеенко, наш человек в Киеве.

— Винниченко мечется, — докладывал Овсеенко. — Директория расколота. Они боятся прихода белых.

— Передай этому артисту погорелого театра следующее, — сказал я жестко. — Немцы уходят. Завтра. Если завтра ночью красные части войдут в город «для поддержания порядка», мы признаем независимость Украинской Народной Республики в границах гетманщины. Ваши министры останутся на местах. Мы просто заменим немецкую охрану нашей. Но если вы начнете стрелять... Я дам приказ Буденному идти на Киев форсированным маршем. И тогда никакой Украины не останется вообще. Выбирайте между статусом союзной республики и Черниговской губернией.

Положив трубку, я посмотрел на Ленина. Он стоял у карты, его глаза горели торжеством.

— Работает, — прошептал он. — Оно работает. Мы возвращаем Империю, делая вид, что дарим свободу.

— Это циничный раздел сфер влияния, Владимир Ильич, — тихо сказал Сталин, появляясь из тени угла. — Брест наоборот.

— Это высшая форма государственной мудрости, Иосиф, — ответил Ленин, впервые за вечер улыбнувшись искренне. — Когда Антанта поймёт, что вместо руин получили на границе

сильную Красную Армию, поддерживаемую миллионами немецких добровольцев Коминтерна, будет поздно.

Я собрал бумаги со стола. План «Буфер» запущен. Нота отправлена. Марионетки начали танцевать.

Зачитано по радио Риги вечером 24 сентября

К ТРУДОВОМУ НАРОДУ ЛАТВИИ! К РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И БЕЗЗЕМЕЛЬНЫМ КРЕСТЬЯНАМ!

Товарищи! Сбросив оковы германского империализма, трудовой народ Латвии взял власть в свои руки, провозгласив Советскую Социалистическую Республику. Но черные силы реакции, бароны Балтийского ландесвера и наемники Антанты, не желают видеть свободной Латвию. Они точат штыки, чтобы вернуть нас под ярмо помещиков.

Оккупационные войска Рейхсвера деморализованы и готовы сложить оружие. Но брошенные на произвол судьбы банды белогвардейцев могут залить нашу землю кровью братского народа.

Во имя спасения завоеваний революции, во имя защиты власти Советов от бандитских орд фон дер Гольца, **ПРАВИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ ОБРАЩАЕТСЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ РСФСР С ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОСЬБОЙ О ВОЕННОЙ ПОМОЩИ.**

Мы просим доблестную Красную Армию перейти границы Республики для совместной борьбы с мировым империализмом. Да здравствует вечный союз трудового народа Латвии и России! Совет Народных Комиссаров Советской Латвии.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ г. Киев, 24 сентября 1918 г. № 405/Стр-Секретно

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВМИНА РСФСР тов. В.И. ЛЕНИНУ КОПИЯ:

Господин Председатель,

Осознавая смертельную угрозу, нависшую над украинским крестьянством со стороны реставраторских сил генерала Деникина, стремящегося восстановить помещичье землевладение и черносотенный террор, Правительство Директории Украинской Народной Республики заявляет:

Учитывая невозможность самостоятельного отражения агрессии реакционных сил Юга исключительно собственными силами при отсутствии тяжелой артиллерии;

Принимая во внимание общность интересов трудового народа Украины и Великодержавии в деле защиты социальных завоеваний Революции;

Руководствуясь высшими интересами сохранения государственности украинского народа...

Правительство УНР обращается к Правительству Российской Федерации с просьбой о заключении «**Договора об оборонительном союзе**».

Согласно данному Договору, вооруженные силы РСФСР получают право беспрепятственного прохода и размещения гарнизонов на территории Украины для совместного отпора контрреволюционным силам Юга России. Со своей стороны, Правительство УНР гарантирует сохранение полной политической автономии Украинской Республики в составе будущей Федерации, а также обеспечение снабжения частей РККА провиантом и фуражом из местных ресурсов без применения насильственной реквизиции.

Просим направить представителей военного командования для согласования плана совместных действий против сил реакции.

Председатель Директории УНР С.В. Петлюра (Подпись поставлена дрожащей рукой).

Глава 7

Глава седьмая. Последний шаг

Москва. Кабинет Краева. 7 ноября 1918 года.

В моем кабинете было накурено так, что сизый дым оседал на картах Европы плотным туманом. На календаре красным карандашом была обведена дата: 9 ноября.

Напротив, меня сидел Генрих Брюснер, наш лучший агент влияния в Берлине. Бывший лейтенант кайзеровского флота, списанный по ранению, а ныне, доверенное лицо Карла Либкнехта и тайный связной НКГК. Он жадно пил чай из граненого стакана, пытаясь согреться после промозглой московской осени.

— Они готовы? — спросил я, не отрываясь от шифротелеграммы из Риги.

— Готовы настолько, насколько могут быть готовы идеалисты, — хрипло ответил Брюснер. — Левая группа «Спартак» ждет только сигнала. Карл Либкнехт и Роза Люксембург выведут рабочих на улицы к полудню, как только придет известие о бегстве кайзера. Но Вильгельм сидит в Спа, он трусит, но еще не уехал.

Я поднял голову:

— Вильгельма снимет наша охрана на бельгийской границе. Пусть Антанта думает, что это их победа. Нам нужен вакуум власти в Берлине ровно в двенадцать ноль-ноль.

Я встал и подошел к большой карте Германии, висящей рядом с картой России.

— Товарищ Иоффе передал последние данные?

Брюснер кивнул и достал блокнот:

— Шейдеман отказывается брать власть без приказа Эберта. Носке стягивает фрайкор к Рейхстагу. Армия колеблется. Офицеры ненавидят республику, но боятся красных больше, чем социал-демократов.

— Страх перед красной звездой сильнее ненависти к республике, — удовлетворенно кивнул я. — Это нам на руку. Революция толпы всегда хаотична. Наша задача, дать ей вектор.

Я взял красный карандаш и провел жирную линию через Берлин.

— План следующий. Фаза первая: Хаос. В час дня ваши люди начинают демонстрацию у Имперской канцелярии. Громко, шумно, бестолково. Моряки требуют мира, рабочие, хлеба. Шейдеман выходит на балкон... или пытается выйти.

— Его перехватят наши люди из криминальной полиции, — вставил Брюснер. — Официально арестуют за «попытку бегства».

— Верно, — подтвердил я. — Фаза вторая: Легализация. Ровно в четырнадцать ноль-ноль товарищ Левин передает в печать экстренный выпуск. Заголовок: «ДОЛОЙ ПРЕДАТЕЛЕЙ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГЕРМАНСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА!». Газета должна лежать на улицах раньше, чем Шейдеман успеет опровергнуть слухи о своем аресте. Паника, наше главное оружие.

— А армия? — подал голос Дзержинский, который всё это время молча стоял у камина. — Фрайкор раздавит ваших матросов.

— Не раздавит, — усмехнулся я. — Фаза третья: Броня. По нашей линии связи уже передан приказ командиру крейсера «Нюрнберг», стоящего в Киле. Корабли остаются в портах. Морская пехота высаживается в Берлине под видом подкрепления восставшим. И самое главное, — я посмотрел прямо в глаза Брюснеру. — Ваш друг Отто Вагнер.

Брюснер напрягся. Отто Вагнер был командиром элитного батальона охраны Рейхстага.

— Он надежен?

— Вы дали ему золото его покойного дяди из Базеля? — уточнил я.

— Да. И гарантии безопасности для семьи в Москве.

— Тогда он надежен. Когда толпа пойдет на штурм, батальон Вагнера должен заблокировать входы в Рейхстаг. Никакой стрельбы. Просто штыки примкнуты. Толпа испугается и отступит. А потом выйдет ваш «революционный комитет» во главе с Либкнехтом и объявит о переходе власти Советам.

Дзержинский шагнул вперед, скрипнув сапогами.

— А если Носке рискнет отдать приказ стрелять?

— У него нет связи, — спокойно сказал я. — Люди Менжинского три часа назад перерезали кабель спецсвязи Военного министерства в районе Шарлоттенбурга. Генерал Грёнер узнает о революции в Берлине из газет завтрашним утром. Пока фельдгегеря будут скакать на лошадях, мы уже сменим замки на дверях Генштаба.

— Это слишком тонкая игра, Александр Владимирович, — проскрипел Дзержинский. — Если хоть один матрос выстрелит не туда...

— Матросы любят палить в воздух ради шума, Феликс Эдмундович, — отрезал я.

Берлин. Площадь перед Рейхстагом и Канцелярией. 9 ноября 1918 года. Полдень.

Моросящий дождь смешивался с угольной копотью, превращая Берлин в грязную серую акварель. Я, Курт Вебер, стоял у колонны Бранденбургских ворот, глубоко засунув руки в карманы потертого пальто рабочего-железнодорожника. В кармане тяжело лежал браунинг М1900, а во внутреннем кармане похрустывал мандат на бланке СДПГ за подписью Фридриха Эберта, подделка была идеальной, работа лучших граверов НКГК.

Рядом переминался Генрих Брюснер, тот самый агент влияния, которого инструктировал Краев неделю назад. Сейчас он был одет в форму лейтенанта ландвера, но без погон. Его лицо было бледным от холода и адреналина.

— Они трусят, — прошептал Брюснер, глядя на здание Рейхстага. — Носке стянул к Бранденбургским воротам гвардейские части, но офицеры не отдадут приказ стрелять. Они ненавидят республику больше, чем нас.

— Не отвлекайся, — процедил я. — Где Левин?

Из-за угла вынырнул юркий человек в очках, Густав Левин, эмиссар Коминтерна, чья настоящая фамилия была выгравирована на золотом портсигаре в моем сейфе.

— Матросов Кайзерспиталья подняли, — затараторил он. — Моряки крейсера «*Нюрнберг*» отказываются грузить уголь для выхода в море. Офицеры заперты в кубриках. Но Шейдеман выступил по радио. Он объявил о бегстве кайзера.

— Хорошо, — кивнул я. — Начинаем фазу два.

Я посмотрел на часы. Ровно 14:00. Поезд Вильгельма II пересек бельгийскую границу час назад. История должна иметь красивый символизм.

— Генрих, твой выход, — скомандовал я Брюснеру.

Тот поправил повязку на рукаве, красный бант, приколотый прямо поверх имперского орла, и шагнул навстречу патрулю фрайкора, проходившему мимо.

— Товарищи солдаты! — крикнул он звонким голосом оратора. — Хватит проливать кровь за жирных генералов! Кто ваш враг? Французский буржуа или русский крестьянин?

Это был заранее обговоренный сигнал. Фрайкоровцы остановились. Их лейтенант, совсем мальчишка, побледнел, увидев красные банты так близко.

— Мы... мы защищаем порядок...

— Порядок?! — взревел Брюснер. — Какой порядок, если ваши семьи дома жрут картофельные очистки?! Идемте с нами! Долой предателей из Совета Народных Уполномоченных!

Он театрально вскинул руку. Этого хватило. Лейтенант неуверенно козырнул. Солдаты опустили винтовки. Толпа, стоявшая вокруг, заревела. В этот момент со стороны Унтер-ден-Линден раздался грохот. Бронетранспортер Русско-Балтийского завода проломил полицейское ограждение. За рычагами сидел латыш Янис, присланный нам еще весной под видом военнопленного.

Толпа ахнула. Стальная машина медленно поползла к дверям Рейхстага.

— Действуй, Густав, — сказал я Левину.

Левин бросился к телефонной будке на углу улицы. Через две минуты все телеграфные агентства Берлина приняли одну и ту же депешу:

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ОБЪЯВЛЯЕТ: ПРАВИТЕЛЬСТВО ШЕЙДЕМАНА СВЕРГНУТО. ВЛАСТЬ ПЕРЕХОДИТ К СОВЕТАМ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

Это была ложь. Шейдеман просто сбежал через черный ход, испугавшись вида чужой бронетехники на площади. Но для толпы факт ухода правителя означал его свержение.

К нам подошел командир морской пехоты с крейсера. Лицо красное, глаза дикие.

— Что делать с комендатурой, товарищ?

— Блокировать периметр, — ответил я. — Никого не впускать и не выпускать. Особенно офицеров Генштаба. Город переходит на осадное положение до прибытия товарища Эберга.

Я смотрел на ликующую толпу. Эти люди думали, что совершили революцию. На самом деле они только что сменили вывеску на магазине, владелец которого остался прежним.

Мы использовали ненависть немецких солдат к Кайзеру. Мы дали им лозунги, которые их пьянили, но оставили рычаги управления в руках людей Краева.

Через три дня сюда приедет делегация из Москвы. Во главе с Карлом Радеком. Он привезет готовый текст Конституции Германской ССР. И когда Франция узнает, что на востоке вместо руин возникла Советская Германия с самой боеспособной армией в Европе, Париж трижды подумает, прежде чем вводить войска в Рур.

Я достал блокнот. Нужно было срочно шифротелеграммой передать в Москву распоряжение Главному управлению путей сообщения: готовить эшелоны для переброски двух дивизий РККА к границам. На всякий случай. Если маршал Фош решит поиграть мускулами.

Глава 8

Глава восьмая. Операция «Буфер» завершена.

Москва. Кремль. Малый зал заседаний Совнаркома. 11 ноября 1918 года.

В эту ночь в Москве никто не спал. По улицам ходили толпы людей, обнимались солдаты, звонили колокола всех уцелевших церквей, Германия капитулировала. Первая мировая война закончилась. Но для нас это означало нечто большее, чем просто конец бойни на Западе. Это означало, что наш план сработал.

Я сидел за длинным столом. Напротив, меня сидели все: Ленин, Каменев, Сталин, Дзержинский, Калинин. Троцкий только что закончил яростную речь о необходимости немедленного броска на Варшаву, но под моим взглядом осекся и сел.

— Товарищи, — начал Ленин, постукивая карандашом по столу. Его лицо сияло той энергией, которая обычно появлялась лишь после величайших побед. — Из Берлина пришли вести. Вильгельм бежал. Власть взята Советами рабочих и солдатских депутатов. Шейдеман просит перемирия. Германская империя рухнула.

Он посмотрел на меня:

— Докладывайте, товарищ Краев. Какова ситуация с нашими... союзниками?

Я поднялся. Мое лицо было спокойным, но внутри всё пело от торжества.

— Владимир Ильич. Операция «Буфер» завершена успешно. Как мы и рассчитывали, капитуляция Германии спровоцировала взрыв. Но взрыв пошел по нашему сценарию. Группа Либкнехта взяла власть в Берлине почти бескровно. Фрайкор Носке блокирован батальоном Отто Вагнера прямо в здании Рейхстага. Они сдались без единого выстрела, когда поняли, что флот Киля поднял красные флаги.

Я подошел к карте Европы.

— Сегодня провозглашены Социалистические Республики: Баварская, Венгерская и Эстонская. Все они направили нам официальные ноты с просьбой о военной помощи против реакции.

Я сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— Пилсудский сидит в Варшаве и боится шелохнуться. У него бунт польских социалистов в тылу. Немецкие войска в Прибалтике деморализованы: их офицеры бегут, а солдаты вступают в Интернациональные бригады товарища Куна. Мы создали стену, Владимир Ильич. Стену из советских республик от Балтийского до Черного моря.

Сталин, молчавший всё это время, медленно кивнул. В его глазах читалось уважение хищника к другому хищнику.

— Вы сделали невозможное, товарищ Краёв, — проскрипел он. — Создать буферную зону, используя ресурсы их самих...

— Мы использовали идеологию Коминтерна как дымовую завесу, Иосиф Виссарионович, — ответил я. — Пока Лев Давидович писал статьи о перманентной революции, мои люди покупали лояльность немецких унтеров гарантией пайков для их семей. Теперь Берлин зависит от поставок нашего хлеба больше, чем Петроград зависит от угля Рура.

Ленин громко рассмеялся. Смех эхом разнесся по пустому кабинету.

— Ай да Краёв! — воскликнул он. — Буржуазный спец превращается в архитектора Мировой Революции эффективнее любого фанатика!

Он повернулся к Чичерину, который скромно сидел в углу:

— Георгий Васильевич, готовьте ноты. Завтра же признаем правительство Либкнехта и Бауэра. Пусть Антанта попробует сунуться в Германию через строй наших и интернациональных полков!

Затем Ленин снова посмотрел на меня. Взгляд стал серьезным, цепким.

— А Деникин?

Этот вопрос был главным. Юг России всегда был самой кровавой раной.

— Генерал Деникин перестал существовать как политическая фигура неделю назад, — доложил я. — Его остатки разбиты конным корпусом Буденного под Орлом. Остатки Добровольческой армии откатываются к Новороссийску, чтобы сесть на пароходы. Гражданской войны внутри страны больше нет. Есть лишь очаговые вспышки бандитизма, которые подавляют отряды ВЧК Дзержинского.

Ленин удовлетворенно потер руки:

— Значит, мир. Настоящий мир. Наконец-то можно строить, а не затыкать дыры телами.

— Почти мир, — уточнил я. — Остался Восток.

Все посмотрели на меня. Вопрос Дальнего Востока висел над нами дамокловым мечом почти год. Японские интервенты сидели во Владивостоке, выжидая момент.

— Новости из Читы, — продолжил я. — Тридцать минут назад пришла шифровка от Лазо.

Я сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— Императорская армия Японии начала эвакуацию Владивостока.

В кабинете повисла звенящая тишина.

— Сами? — недоверчиво спросил Сталин.

— Сами, — подтвердил я. — Их генералы видят карту Европы. Они видят Советскую Германию слева и монолитную Красную Армию справа. Они увидели нашу силу. Увидели буферную зону, которую мы возвели за месяц. И решили, что лезть в русскую зиму против государства, способного мобилизовать миллионы, это самоубийство.

Ленин громко рассмеялся. Смех эхом разнесся по кабинету.

— Вы заставили самураев бежать, даже не выстрелив из винтовки! Это высшая форма дипломатии!

— Страх перед нашей организованностью пугает капиталистов сильнее, чем лозунги Троцкого. — уточнил я.

Когда члены ЦК стали расходиться, ко мне подошел Дзержинский. Он положил свою холодную ладонь мне на плечо.

— Поздравляю, Александр Владимирович, — тихо сказал он. — Ты построил империю, которой побоялся бы сам Иван Грозный. Ни одного лишнего трупа ради политики. Только холодный расчет.

— Спасибо, Феликс, — ответил я. — Но праздновать рано.

Я посмотрел вслед уходящему Сталину. Он даже не попрощался. Он запоминал имена тех, кто сегодня ночью получил слишком много власти.

— Наша главная битва еще впереди, Феликс, — прошептал я. — Война с Западом окончена. Начинается война за наследство.

Москва. Кремль. Кабинет Председателя Совнаркома. 12 ноября 1918 года. Утро.

Утреннее солнце било в высокие окна Кремля так ярко, словно хотело выжечь из этих стен память о Гражданской войне. Она закончилась. Не перемирием, не хрупким балансом сил, а полным, оглушительным разгромом врагов.

Я сидел за столом Ленина, ожидая его и перебирал сводки НКГК. Это были уже не отчеты об изъятии хлеба или подавлении мятежей. Это были графики будущего роста выплавки чугуна, урожайности и заявки на патенты из Германии.

Дверь распахнулась. Вошел Ленин, бодрый, помолодевший, сбросивший груз Брестского мира как старую змеиную кожу. За ним тенью скользнул Сталин, а следом вошел Троцкий, выглядевший растерянным: его сабля кавалериста оказалась бесполезна там, где требовался логарифмическая линейка.

— Вы понимаете, что мы сделали? — спросил Ленин, останавливаясь у карты Европы. Его голос звенел от сдерживаемого триумфа. — Мы победили! Германия пала под тяжестью собственных противоречий, которые мы лишь слегка подтолкнули. На Западе, стена советских республик от Балтики до Дуная. На Юге Деникин гниет в Новороссийске. На Востоке самураи драпают из Владивостока!

Троцкий вскочил:

— Владимир Ильич! Сейчас момент для удара! Красная Армия готова маршировать на Варшаву! Европа беременна восстанием!

Ленин посмотрел на него почти с жалостью:

— Лев Давидович, оставьте ваши шашки буденовцам. Товарищ Краев только что спас нам государство другим оружием. Докладывайте, Александр Владимирович.

Я поднялся. Подошел к карте России. Мои пальцы легли на Урал.

— Гражданская война окончена, товарищи. Остатки белых банд загнаны в тайгу. Но главная победа произошла здесь, — я провел рукой по линии Транссиба. — Но главное... посмотрите сюда.

Я развернул чертежи немецкой фирмы AEG, присланные через Стокгольм.

— Благодаря нашей дипломатии «Буфер», немецкие заводы готовы к отгрузке станков. Мы покупаем технологии за золото, которое сами же добыли. Но это детали.

Я выдержал паузу, чувствуя, как взгляды всех присутствующих впадают в меня.

— Мы начинаем План Электрификации. Мы заложим тридцать электростанций. Мы соединим Волгу и Дон каналом. Мы превратим Кузбасс в промышленное сердце Сибири. Германия даст нам турбины сегодня. Через пять лет мы будем экспортировать ток в ту же Германию. Мы больше не аграрный придаток.

В кабинете повисла тишина. Даже Троцкий перестал дышать.

— Для этого проекта, — продолжил я, доставая из папки список фамилий, — нам нужны мозги. Лучшие инженеры Империи. Зворыкин, Иоффе, Капица... Те, кто сейчас сидит в своих лабораториях и боится ЧК.

Сталин нахмурился:

— Эти бывшие дворяне предадут при первой возможности.

— Если будут думать о пайке, да, — ответил я. — Поэтому они получают оклады. Квартиры в новых домах. А их дети будут учиться в лучших технических вузах страны. Мы создадим класс технической интеллигенции. Новой советской интеллигенции. Они будут строить социализм не ради Маркса, а ради того, чтобы увидеть полет первого советского самолета над Москвой.

Ленин слушал, подавшись вперед. Он схватил карандаш и начал быстро делать пометки в блокноте.

— Гениально, — прошептал он. — Дать инженеру всё, чтобы он построил Днепрогэс. Это то, чего не понял старый мир.

— И еще...авиация, это глаза армии и меч для врага на другом конце света, — продолжил я, возвращаясь к столу. — Андрей Туполев создаст нам тяжелые бомбардировщики. Но у нас есть человек, который опережает время на десятилетия.

Я достал из портфеля отдельную папку с личным делом, запечатанную сургучом.

— Игорь Иванович Сикорский. Создатель «Ильи Муромца».

В кабинете повисла тишина. Сталин нахмурился:

— Буржуазный спец. Из бывших. У него брат в Париже, кажется? Деникинский офицер?

— Именно поэтому он опасен, — кивнул я. — Он гений, но его семья под ударом. Если мы дадим ему повод, он соберет свои чертежи и уплывет в Америку через Владивосток. Там его заберут люди с распростертыми объятиями. Мы потеряем вертолётную авиацию на пятьдесят лет вперед.

— Что предлагаешь? — спросил Ленин, подавшись вперед.

— Операцию «Кокон», — ответил я. — Тотальная изоляция от внешнего мира при абсолютном комфорте внутри. Первое: Семья. Его брата во Франции берет в разработку ИНО Менжинского. Через агентуру Коминтерна мы пускаем слух, что, если Сикорский сбежит, его семью найдут даже в Аргентине и передадут чекистам как заложников. Страх за близких держит лучше любых цепей. Второе: Лаборатория-люкс. Выделяем ему целый заводской цех в Питере или Москве. Не тюрьма, а дворец науки. Лучшие станки, любые материалы, неограниченный бюджет. Пусть строит свои вертолеты хоть сейчас. Дадим ему звание Почетного Члена Академии Наук. Третье: Личная гвардия. За ним закрепляется отряд охраны ГПУ. Официально, защита от белогвардейских террористов. Фактически, конвой. Ни один шаг без нашего ведома.

Троцкий брезгливо поморщился:

— Золотая клетка для буржуя...

— Это золотой ошейник для гения, Лев Давидович, — отрезал я. — Нам нужен не мертвый герой идеи, а живой создатель машин. Через год он сам придет ко мне просить средства на постройку тяжелого бомбера-гиганта, способного долететь до Лондона. И тогда мы будем диктовать условия уже Королевскому флоту.

Он встал, подошел ко мне.

— Вы, товарищ Краёв, — тихо произнес Ленин. — Вы несете кирпич, который строит. Начинайте стройку, Александр Владимирович.

Глава 9

Глава девятая. Задача

Москва. Квартира Краева. 20 ноября 1918 года. Поздний вечер.

За окном выла ранняя московская метель. Вьюга била в стекла так яростно, словно пыталась пробиться внутрь и заморозить тот странный покой, который наконец воцарился в моей душе. Гражданская война была окончена. Не просто подавлена, закончена как организованное сопротивление. Деникин сгнил в Крыму или бежал. Колчак расстрелян по приговору трибунала в Иркутске благодаря тому, что чехословаки охраняли его надежно... для нас. На юге барон Врангель превратился в исторический анекдот.

Я сидел в кресле у камина, перебирая копии донесений ИНО ВЧК из Европы. Там сейчас творилась история. Моя история.

Германия рухнула. Кайзер сбежал. Но вместо единой Веймарской республики карта Центральной Европы покрылась красными пятнами: Советская Германия, Венгерская Советская Республика, Чехословацкая Советская Республика. Балканы: Румыния пока колеблется, но Бессарабия уже провозгласила МАССР под нашим протекторатом. Югославянские социалисты формируют свои отряды.

Мы создали то, о чем Ленин говорил лишь намеками, санитарный кордон. Только это был не барьер против России, а Пояс безопасности вокруг неё. Буферная Федерация Социалистических Республик.

Я вернулся к огню. Всё сложилось. Идеально. Буферная зона создана. Германская Красная Армия марширует по Рейну, связывая руки французам. Япония убралась из Владивостока, поняв, что грызть гранит Сибири без поддержки Запада бессмысленно.

Моя система работала. Бухарин писал статьи о кооперации, не понимая, что своими руками строит фундамент госкапитализма, спасающий диктатуру. Дзержинский держал страх внутри страны, позволяя экономике дышать снаружи.

Я сидел над картой Европы, расстеленной прямо поверх финансовых отчетов Гохрана. В кабинете было тихо, только мерно капала вода из неисправного крана, звук, который почему-то успокаивал лучше любой музыки.

Польша была ошибкой. Мы позволили этому государству родиться на бумаге слишком рано. Юзеф Пилсудский возомнил себя новым Бонапартом, «Начальником государства».

«— Он заигрался», — произнес я вслух, глядя на Варшаву. — «Юзеф Пилсудский совершил стратегическую ошибку, он решил, что раз мы признали его де-факто, то смирились. Он думает, что буферная зона, это стена между ним и нами. Нет. Буферная зона, это карантин. Мы изолируем его от Запада. Надо создать Альтернативное правительство: Немецкие коммунисты Либкнехта уже контролируют Силезию. Мы признаем Польскую Советскую Республику в границах Царства Польского. Посадим там марионеточное правительство из местных социалистов.»

Я взял чистый лист бумаги и начал писать:

«Правительство Польской Советской Республики

1. Председатель Совета Народных Комиссаров, Феликс Кон, старый польский социал-демократ, один из основателей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы

2. Нарком по военным и морским делам, Генерал Владислав Андерс перешел на службу к большевикам вместе с корпусом Галлера.

3. Нарком финансов, Генрик Валецкий, польский финансист-социалист, связанный с банковскими кругами Лодзи.

4. Нарком внутренних дел, Юлиан Мархлевский, старый соратник Розы Люксембург.»

«— Если все получится, — подумал я, — то Юзеф Пилсудский оказывается в положении «Короля без короны». А это: потеря легитимности и изоляция, Антанта отказывается давать ему масштабную помощь, так как официально Польша теперь представлена правительством Кона, с которым ведутся переговоры в Копенгагене о демаркации границ. Итог: Пилсудский вынужден уйти в глубокое подполье или бежать в Венгрию к Куне. Он становится террористом-одиночкой, лидером слабого повстанческого движения, лишенным доступа к государственным ресурсам.»

Я взял красный карандаш и провел жирную линию по карте Европы. От Балтики до Черного моря. Линия Керзона? Нет. Это будет Линия Мира.

В дверь постучали. Джунковский вошел бесшумно, положив передо мной расшифровку: — Антанта собирает конференцию в Париже. «Большая четверка». Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо... Они будут делить мир. Польшу они хотят отдать Пилсудскому.

Я встал и подошел к огромной карте Евразии, которую сам чертил последние месяцы.

— Париж думает, что победил. Они думают, что Версаль решит всё. Но они ошибаются. Их система построена на унижении проигравших. А униженный всегда берет реванш. Через десять, двадцать лет... Вторая мировая война неизбежна, если оставить этот гнойник ненависти. Надо предложить миру альтернативу. Не диктатуру пролетариата, которая пугает буржуа, а Систему коллективной безопасности через экономическую зависимость. Мы усиливаем цепочку государств: ЭССР, Литбел, УССР, Венгерская СР, Болгарская СР. Формально это независимые страны. Фактически, части единой экономической системы с центром в Москве. Польша как демилитаризованный кордон: Польша Кона признается Москвой и всеми государствами буферной зоны. Граница проходит по этническому принципу, но Польша обязана сохранять нейтралитет. Никаких армий, только полиция. Гарантия суверенитета Польши, советские штыки на границе. Экономический союз: Создать нечто вроде Общего Рынка. Немецкий капитал работает на наших заводах, наши ресурсы идут им. Западные кредиты текут к нам. Когда экономики переплетены так тесно, воевать становится слишком дорого.

— Вы хотите построить Священный Союз XX века, — раздался тихий голос из темноты. Это был Джунковский. Он стоял в тени, почти невидимый. — Собрать монархов и диктаторов за один стол и заставить их подписать договор о ненападении, основанный на страхе перед экономическим коллапсом.

— Именно, Владимир Фёдорович, — улыбнулся я. — Англия хочет торговать. Франция хочет безопасности. Америка хочет рынков. Мы дадим им всем иллюзию контроля. Пусть создают свою Лигу Наций. Мы вступим в неё последними и будем править оттуда. Договор, который они сейчас пишут, содержит семена следующей войны. Они заколачивают крышку котла, но забывают выключить огонь под ним. Через двадцать лет этот котел взорвется, и наши дети будут хоронить своих сыновей там же, где лежат наши отцы. Я предлагаю иную архитектуру мира.

— И что предлагаете делать?

Я кивнул, открывая свою папку.

— План следующий. Первое: Экономическая интеграция. Мы создаем Банк Евразийского Развития. Варшава, Вена, Берлин получают кредиты только через Москву. Их валюты привязываются к нашему червонцу. Второе: Военная унификация. Под видом «Обмена опытом», офицеры РККА едут в Германию, австрийцы, к нам. Фрунзе готовит уставы для их будущих Народных Армий. Третье: Политическое поглощение. Через Коминтерн мы легализуем местные компартии. Пусть участвуют в выборах. Когда они получают свои 30% голосов, мы объявим чрезвычайное положение ввиду угрозы справа и сольем все эти республики в единый Союз.

— Это займет годы, — заметил Джунковский.

— У нас есть время, пока Антанта делит колонии Османской империи, — возразил я. — Дайте Европе пять лет сытости. За это время поколение молодых вырастет на наших учебниках физики и марксизма. Мы переманим их детей раньше, чем кто-то научит их маршировать. Чтобы удержать Европу десятилетиями, нужно воспитать поколение инженеров и чиновников, для которых Москва будет естественным центром притяжения. Вместо того чтобы отправлять коммунистов-подпольщиков, мы откроем официальные стипендиальные фонды. Талантливая молодежь из Праги, Варшавы или Берлина получает гранты на обучение в МГУ или Горном институте Петрограда. Обучение бесплатное, но по возвращении домой выпускник обязан отработать 5 лет на совместных предприятиях под контролем московских кураторов. Результат: Через 10 лет ключевые посты в европейской энергетике и машиностроении займут люди, преданные коммунистам и Москве. Создание сети «Домов Технической Культуры». Это закрытые клубы для инженеров и офицеров Генштаба. Там читают лекции приглашенные профессора из МГУ, показывают новейшие разработки. Это легальный канал вербовки агенты влияния. Офицер польского генштаба, съездивший на курсы повышения квалификации в Минск, возвращается убежденным сторонником союза с Россией, так как увидел мощь нашей военной машины изнутри и многое другое.

На какое-то мгновение я задумался и продолжил:

— Николай Иванович напишет статью о том, что экономическое объединение Европы вокруг Москвы, это высшая форма пролетарской солидарности. Пока теоретики будут спорить о терминах, мои инспектора будут собирать налоги, а чекисты, Феликса Эдмундовича, следить, чтобы эти налоги доходили до казны.

Джунковски посмотрел на меня с каким-то новым уважением.

— Знаете, — сказал он тихо. — Иногда мне кажется, что если бы вы родились лет на пятьдесят раньше, вы бы служили министром иностранных дел у Александра III. И Российская империя правила бы миром без единого выстрела.

— Возможно, — согласился я, подходя к окну. — Но Александру Третьему не приходилось воевать с Антантой. Нам повезло меньше. Или больше.

Я смотрел на просыпающуюся Москву. Там, внизу, люди строили новую жизнь на обломках старой. Мой план работал. Но покупая мир сегодня, я понимал: однажды эта сделка истечет. И тогда начнется настоящая война.